

ДИАНА
МАШКОВА

ЧУЖИЕ
ДЕТИ

Этот роман нужно изучать в средней школе –
только тогда не будет брошенных детей!

Диана Владимировна Машкова

Чужие дети

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26726175
Чужие дети : роман / Диана Машкова: Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-04-089989-0, 978-5-04-088596-1

Аннотация

Зачем берут в семью подростка-сироту? Не младенца, которого можно воспитать как собственного, а почти взрослого человека? Чтобы получать за него деньги от государства? Интеллигентная и весьма успешная женщина Екатерина Родионова в деньгах не нуждалась. Опалив однажды свою душу страданиями никому не нужных подростков, она ушла с поста главного редактора издательства, взяла под опеку девочку двенадцати лет и стала растить ее наравне с двумя собственными дочками. Скоро жизнь семьи превратилась в ад. Пережившая трагедию, озлобленная девочка вела себя так, что муж Кати почти перестал бывать дома, а сама Катя оказалась на грани нервного срыва. А когда по воле судьбы Кате пришлось взять в семью еще и парнишку – сиротки начали войну ревности. Однако в горниле этих страданий семья выстояла – так, что вокруг нее сплотились и другие семьи, готовые помогать сиротам и усыновлять подростков из детдома...

Содержание

Предисловие автора	5
Благодарности	12
Часть I	15
Глава 1	15
Глава 2	24
Глава 3	37
Глава 4	48
Глава 5	56
Глава 6	64
Глава 7	79
Глава 8	88
Глава 9	99
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Диана Машкова

Чужие дети

© Машкова Д., 2017

© Мартынюк Е., фоторабота, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Памяти Яна посвящается

Предисловие автора

Три года назад мы познакомились с нашей будущей дочкой – Дашей. Ей тогда было двенадцать лет. Начали общаться, забирать Дашу к себе в гости на каждые выходные. Думали, что так сможем помочь ребенку адаптироваться к жизни вне стен детского дома, станем для нее опорой. Мыслей принимать девочку-подростка в семью поначалу не было. Но постепенно возникли привязанность и потребность сделать для ребенка больше. А параллельно, пока я ездила за Дашей в детский дом, познакомилась там с Гошей. Ему было уже пятнадцать лет. Причем знакомство стало инициативой самого мальчика – он подошел ко мне и предложил общаться.

Так, всего за один год, детей в нашей семье стало в два раза больше. Теперь у нас с мужем четыре ребенка – Нэлл скоро исполнится восемнадцать, Гоша недавно отметил свое совершеннолетие, Даше Большой сейчас пятнадцать, а Даше Маленькой – четыре годика.

Придя в нашу семью, дети многому меня научили. Расширили границы сознания. И сами они тоже постепенно учились важным вещам. И много рассказывали о своей жизни. Каждое событие их прошлого я невольно пропускала через себя, словно все это происходило со мной. Так и началась работа над этим романом, которая длилась больше двух лет. Одновременно я предложила Гоше, который с самого рож-

дения воспитывался в учреждениях, тоже начать писать книгу, рассказать о своем детстве: хотела отвлечь его от многих опасных «увлечений». К счастью, он заинтересовался. Надеюсь, Гоша когда-нибудь завершит свой труд, а пока им написано всего несколько страниц, часть из которых вы найдете в романе. Напечатаны они с полного согласия автора, разумеется.

Книга «Чужие дети» – о сиротах-подростках и о взрослых, которые могли бы им помочь. У меня нет сомнений в том, что многие зрелые люди способны стать для сирот лучшими проводниками в жизни. Лично знаю немало тех, кто сделал успешную карьеру, решил материальные вопросы и дошел до того уровня самосознания, когда появляется потребность делать что-то для других. Потребность есть, но они ее не реализовывают, потому что мешают страхи и предубеждения.

Жизнь подростка без родителей – это путь в никуда. Он брошен самыми родными людьми и оттого живет с глубокой травмой в душе. Он вынужден приспосабливаться к системе детского дома, соблюдать иерархию и подчиняться большинству, иначе ему не выжить. Он не «плохой» или «трудный», как его любят называть сторонние наблюдатели, просто в нем невыносимо много обиды и боли, которую никто не может облегчить. Ведь родителей рядом нет. Его поведение шокирует из-за одиночества, ненужности и внутреннего протеста, в котором ребенок пребывает изо дня в день. И в этом беда нашего общества – отвернувшись от подростков, мы их те-

ряем. Выпускник детского дома становится легкой добычей преступного мира. Я знаю десятки историй о том, как повзрослевшие сироты, получив от государства квартиры, переписывали их на мошенников. Я вижу многих выпускников детских домов, которые не умеют управляться с собой и с жизнью: за несколько дней они спускают сотни тысяч рублей пособий, которые накапливались для них в банке и выдавались к восемнадцатилетию, не умеют трудиться, обслуживать себя, поддерживать быт – и остаются ни с чем. И никого рядом нет, чтобы помочь, научить и уберечь. По неофициальной статистике, 90 % бывших детдомовцев не доживают до сорока лет. Они становятся жертвами зависимостей, попадают в тюрьмы и зачастую отказываются от собственных детей. И только 10 % встраиваются во взрослую жизнь.

Сегодня 34 000 семей в России стоят в очереди на усыновление. Десять лет назад о таком количестве желающих взять себе чужого ребенка можно было только мечтать. Но все эти кандидаты готовы усыновить малыша от нуля до трех лет, без особых проблем со здоровьем. Они ищут таких детей по всей стране, и маленькие отказники, которых, к счастью, становится меньше, быстро находят семьи. Когда-то и мы рассуждали так: важно помочь маленькому ребенку, оставшемуся без родителей. Подробностей удочерения и всех сложностей процесса пересказывать я не буду, они есть в книге «Если б не было тебя». Но постепенно к нам пришло осознание того, что помогли мы в первую очередь самим себе. Ожи-

дали многих трудностей, боялись серьезных болезней, опасались собственного неприятия «чужого» ребенка, а открыли в себе невероятную любовь, нежность и счастье. Во времена младенчества нашей родной дочери Нэллы мы с мужем были слишком юными, чтобы в полной мере наслаждаться родительством. Умение быть мамой и папой, получать от этого ни с чем не сравнимое удовольствие, пришло только с удочерением Даши, нашей младшей дочки. И только после этого появилось понимание, что нужно помогать детям, у которых мало шансов найти семью. Мы задумались о подростках. Было сложно решиться, одолевали сомнения и страхи, что не справимся. Отчасти они оказались оправданы – нас ожидало множество трудностей и руки не раз опускались, но об этом в самой книге, поэтому не буду забегать вперед.

Именно подростков в детских домах нашей страны больше 80 %, и им всего через пару лет выходить во взрослую жизнь, о которой они ничего не знают. Но как раз подростки чаще всего оказываются обречены. Слишком мало взрослых людей приходят к мысли о том, что старшим детям тоже можно помочь. Но если для каждого подростка-сироты найдется значимый взрослый – наставник, а еще лучше семья, – большинство ребят смогут справиться с жизнью. В них еще не раскрыты лучшие качества, еще не осознаны ими самими их возможности и таланты.

Для чего я написала эту книгу? Чтобы рассказать правду – мы и сами не знаем порой, на что способны. Важно дать себе

право переосмыслить стереотипы, в которых живет наше общество. Обыватель знает мир таким, каким видит его с экранов телевизоров и считывает с газетных страниц. Человек думающий идет по пути рефлексии и личного опыта. Он не станет следовать за чужими предубеждениями, но погрузится в вопрос и составит о нем собственное мнение. В жизни всегда есть место выбору: жить только для себя или постараться сделать что-то и для других. Помочь одному подростку-сироте, изменить его жизнь к лучшему – значит внести огромный вклад в благополучное будущее всего общества.

В последнее время с телеэкранов и газетных страниц в адрес людей, которые рискнули принять в свои семьи детей-сирот, слышны непрерывные обвинения: «Взяли ради денег», «Забрали из детдома, чтобы эксплуатировать». В результате логика обывателя на сегодняшний день такова: «Я же порядочный человек, поэтому и не беру в свою семью ребенка-сироту». И вина тех, кто приходит к подобному выводу, не так велика, главная проблема заключается в системе поддержки семьи в нашей стране. Не созданы достойные условия жизни родителей с детьми, не вложены усилия в осознанное материнство и отцовство, без которых в принципе невозможно счастливое детство. Но поскольку в погоне за сенсациями СМИ, за редким исключением, продолжают транслировать обществу ложный посыл, я лично все чаще слышу от посторонних людей: «И зачем вы понабрали столько чужих детей?» Вежливо отвечаю, что не воспринимаю своих де-

тей как чужих и говорю о безвыходном положении подростков-сирот. Но сложно объяснить то, о чем человек не готов задуматься.

Поэтому расскажу о Яне.

Мое знакомство с ним оказалось случайным. Мальчику на тот момент было шестнадцать лет, и он уже давно жил в детском доме. Его мама не умерла, но страдала алкогольной зависимостью и поэтому не могла воспитывать сына. Время от времени он ее навещал, но всегда приходился не ко двору и был вынужден как можно скорее возвращаться в детский дом. Приемные родители тоже не находились – иногда знакомились, разговаривали, понимали, что подросток общается с кровной матерью, и не решались принять в свою семью. С каждым разом – мы виделись в детском доме раз пять – Ян становился все более вялым и безразличным. Словно терял волю к жизни. Все хуже учился. Не строил никаких планов на будущее. И если в шестнадцать он еще слабо надеялся обрести семью, то к семнадцати годам окончательно потерял веру и разочаровался. Я тоже не успела найти Яну родителей. И не смогла принять парня в свою семью – нам тогда было очень трудно, у Даши с Гошей проходила жесткая адаптация, муж тяжело болел и переезжал из больницы в больницу... А вот теперь уже поздно. И простить себе этого я не смогу.

Ян сорвался с четвертого этажа недостроенного дома – «заброшки», как говорят подростки – и разбился насмерть. Рядом был его друг, он позвал на помощь. Приехала «Скорая

помощь», мальчика увезли в больницу. Не приходя в сознание, Ян пролежал в коме несколько недель – говорили, если выживет, останется инвалидом, – а потом его не стало. На похороны пришла его мать, близкие родственники, сотрудники детского дома, другие люди. Их оказалось много. Но с малых лет Ян никому не был нужен как сын, как собственный ребенок. А без этого дети не живут...

В романе лучший друг главного героя, Игорь, тоже должен был погибнуть, как и его прототип. Но я не смогла. По моей авторской воле Игорь выжил, чтобы обрести другую жизнь и новую судьбу. У него появилась младшая сестренка, Надюшка, которая дала стимул к жизни. Нашлись родители, которые приняли и сказали главные для каждого ребенка слова: «Ты – наш».

Я верю, что эта книга поможет взрослым лучше узнать подростков, оставшихся без родителей. Услышать их мысли, примерить на себя их противоречивые чувства. И через погружение в мир изломанного детства найти ответ на вопрос: что в этой жизни могу сделать именно я? Чем способен помочь? У каждого взрослого человека, в отличие от ребенка, есть выбор. И этот выбор никогда не бывает легким, он всегда сложный, мучительный и полный сомнений. Но зато он способен дать надежду.

Благодарности

От всего сердца благодарю своего мужа Дениса Салтеева за абсолютную поддержку на протяжении двадцати одного года нашей семейной жизни, за любовь, за общие цели и ценности. А еще – за терпение и помощь в работе над этой книгой. Спасибо всем нашим детям – Нэлле, Гоше, Даше Большой и Даше Маленькой – за то, что они есть, и за то, что меняют нас. Дают мощнейшие чувства и стимул к развитию. Благодарю детей за помощь с текстом и за подростковый сленг в речи юных героев. Отдельное спасибо Гоше за самое активное участие в работе.

Спасибо моим дорогим родителям Наиле Тенишевой и Владимиру Машкову за счастливое детство и крепкую семью, которая до сих пор служит мне надежной опорой. И низкий поклон за саму жизнь – она оказалась гораздо увлекательней и неожиданней, чем я могла предположить.

От всей души благодарю Ольгу Аминову, начальника отдела современной российской прозы и ответственного редактора книги «Чужие дети», за долгий, потрясающе интересный совместный путь. Глубокое принятие Ольги, ее мудрость, доброта и непревзойденный профессионализм помогают мне верить в себя и двигаться дальше.

Низкий поклон Роману Авдееву, учредителю благотворительного фонда «Арифметика добра» и отцу 23 детей, 17

из которых усыновленные. Когда мы с мужем столкнулись с подростками-сиротами, решающим фактором стало то, что есть фонд, созданный Романом Авдеевым, а значит – поддержка, помощь и чувство безопасности. Без такого мощного ресурса, уверена, мы еще долго не смогли бы решиться. Сегодня в фонде работает Школа приемных родителей, которая готовит к принятию подростков, и Школа наставников для всех желающих. Достаточно пройти собеседование. Огромное спасибо моим коллегам, штатным и внештатным сотрудникам благотворительного фонда «Арифметика добра», за самоотверженный и круглосуточный труд, за помощь детям и семьям, принимающим сирот.

Особая благодарность моим самым дорогим друзьям – членам клуба «Азбука приемной семьи». Эти потрясающие семьи воспитывают разных и порой очень сложных детей-сирот. Но делают это не потому, что ждут благодарности, а по той причине, что не умеют пройти мимо чужой беды. Многие мамы в клубе, в прошлом востребованные и успешные менеджеры, журналисты, юристы, педагоги, руководители, настоящие профессионалы своего дела, поставили во главу угла семью и детей. Они оставили высокодоходные должности и полностью посвятили себя детям, их реабилитации и развитию.

Спасибо всем, кто по долгу службы и зову сердца помогает семьям, которые принимают детей-сирот. Огромная благодарность журналистам, которые рассказывают правду о

трудностях и особенностях процесса принятия ребенка в семью, а не огульно обвиняют всех приемных родителей ради погони за рейтингом. Большое спасибо режиссеру Михаилу Комлеву за короткометражный фильм «МАТЬ» по мотивам одной из сюжетных линий этой книги – истории Игоря. И громадная благодарность режиссеру Гере Гаврилову за интерес к теме подростков-сирот и за идею названия книги.

Часть I

Детский дом

Глава 1

– Отвали!

– Да ладно, че ты? Идем выпьем. Все-таки праздник.

– Сказала, не лезь со своим тупым первым сентября!

– Мой он, что ли? У всех день знаний, а ты...

– Ненавижу!

Юлька зашипела как кошка и, еще больше сгорбив и без того сутулую спину, бросилась на проезжую часть.

– Стой, больная!

Визг тормозов перекрыл испуганный крик Лехи. Ему казалось, еще секунда, и Юлька упадет, а потом больше не встанет. Так уже было однажды на его глазах.

Из древней иномарки, чудом успевшей затормозить в нескольких сантиметрах от Юльки, выкатился старый пузатый, как беременный орангутан, армянин. Он погнался было за метнувшейся из-под колес девчонкой, но сделал всего несколько шагов, тут же споткнулся и оперся ладонью о грязный капот машины.

– Такой маладой... – причитал он, морщась от боли, – За-

чем пад калеса? Зачем надаела жить?

Леха отчетливо видел крупные капли пота, проступившие на лбу старика, и белки вытаращенных, едва не выпавших от ужаса глаз. Он тут же натянул на глаза капюшон толстовки и с отсутствующим видом прошагал мимо согнувшегося пополам деда. К нему, Лехе, все это больше отношения не имело. Хватит. Ну их, на хрен, этих баб. Компанию побухать он себе и без этой дуры найдет. И вообще, надо было сразу Игоря позвать – старый друг лучше новых двух. Он как брат. И чего только к этой Юльке привязался? Подумаешь, помогла стырить в супермаркете бутылку вина. Обычное дело, не стоит благодарности.

Беззаботно насвистывая, Леха уже подошел к высоченному кованому забору, – и только тогда почувствовал, что толстовка стала насквозь мокрой от пота и прилипла к телу. Он не хотел вспоминать, но не успел защититься – картины из прошлого вспыхнули в мозгу, словно кадры кинофильма. Машина визжит тормозами, глухой стук, падение... Всего полгода назад на этом самом злополучном перекрестке лежал Петька с расколотой на две части головой. Из половинок черепушки вылился на асфальт целый океан черной крови и еще что-то вязкое, мерзкое. В изломанной руке желтела злополучная пачка чипсов – сбегал, называется, в магазин. Копил на них небось целый месяц, прятал мелочь от старшаков, потом смылся от питалки по дороге из школы. И все. От удара чипсы разлетелись по обеим полосам проезжей части.

Так и лежали – золотые солнышки на грязной дороге. Петька так и не разжал пальцы – впился в свое сокровище мертвой хваткой. Конечно, мелкий еще совсем. Десять лет. А на вид так вообще не больше шести.

Баторские плохо росли – это Леха давно заметил, еще когда их перевели в обычную школу, к домашним. Там все одноклассники были на голову выше. Жрали лучше, что ли.

Леха потом часто думал о Петьке. Было немало моментов, когда он и сам был бы рад вот так покончить со всем, одним махом. Только чтобы не успеть испугаться и, главное, без боли. Раз, и все! Когда ты никому в этой жизни не нужен и сам никем не дорожишь, перебежать дорожку между жизнью и смертью очень легко. Береженого, говорят, Бог бережет, а за такими, как он, как Петька, как Игорь, больно надо кому-то смотреть. Надорвется Господь опекать всех сирот, вон их сколько. О Петьке тогда поплакали чуток, даже питалки слезу пустили, но и все. Через полгода никто уже и не помнил. По-хорошему, что был он, что не было. Без разницы.

Кроссы на ногах стали тяжелыми, словно налились свинцом. Леха, удивляясь собственной мягкотелости, еле дотащился до опостылевших ворот. Каждый день только они неизменно встречали и провожали, утром и вечером. Когда-то ворота в батор казались огромными, до небес. Пугали одним своим видом, а за приближение к ним можно было как следует схлопотать по ушам. Сейчас они уменьшились, словно вросли в землю. Но как бы то ни было – тюрьма она и

есть тюрьма. Даже если сидишь в ней не за преступления, а просто потому, что нигде тебя больше не ждут. Кованая калитка скрипнула, впустила и захлопнулась за спиной...

Они с Игорем забились в крошечный домик на старой детской площадке – их тайное место. Говорить было лень. Да и не о чем. За столько лет давно всё порассказали друг другу. Просто не торопясь пили, передавая бутылку из рук в руки. Леха считал друга своей единственной семьей, настоящим братом. Говорят, они даже внешне были похожи – оба темненькие, худые, с карими глазами. Только Игорь покрупнее да немного повыше ростом. И не такой смазливый, как Леха. Игорь на свою внешность внимания не обращал – что попадет под руку, то наденет, пятерней по волосам проведет, и прекрасно. Зато Леха и прическу себе у питалок выпрашивал сделать модную, с красиво спадающей на глаза челкой, и одевался стильно – все завидовали. Никто его никогда не учил, так, телик смотрел и сам соображал, что к чему – какие вещи в тренде, как их сочетать. Приходилось, конечно, ради этого воровать, но куда деваться. Не ходить же как лох.

Леха не видел, как Юлька протиснулась к ним. Просто почувствовал, угадал ее спиной. Безошибочно, как всегда.

– Ну, че? Все-таки бухнешь?

– Давай!

– Ладно, я тогда пойду. – Игорь стал пробираться к выходу: такой был между ними неписанный закон. Дружба дружбой, но если рядом телочка, отойди не мешай.

– Окай. Увидимся. – Леха в знак благодарности похлопал друга по плечу.

Кто б сомневался, что Юлька прибежит. Девчата все одинаковые – им лишь бы показать свой дурной характер. Леха протянул ей бутылку, Юлька тут же приняла ее и припала к горлышку. Пила почти беззвучно: ни бульканья, ни вздохов. Привычка. Только так и можно в партизанских условиях, а не то спалят.

– Ну, и че это было?

– Так, – она отдышалась после длинного глотка, – ненавижу первое сентября!

– Прямо вот так, чтобы под колеса?

– Так! Есть причины.

– Какие?

– Отвали! – Она больно ткнула Леху в спину локтем.

– Совсем уже охреневшая! – Лехе стало по-настоящему обидно. – С тобой как с человеком. Зачем только вожусь, никакой благодарности?

– Не знаю, – голос Юльки потеплел, – нравлюсь тебе, наверное.

– Размечталась! – Спина все еще горела, хотелось побольнее задеть в ответ. – Ты слишком жирная!

– Офигел?!

– Да пошла ты!

– Дебил!

– Сама дебилка.

Вот и поговорили. Как обычно, после тупой перепалки стало немного легче. Леха задумался, прислонившись костлявой спиной к полной и теплой Юлькиной груди. Они могли, конечно, еще и подраться по давней привычке, но в домике на детской площадке не разгуляешься, да и по-настоящему он Юльку никогда не трогал – наоборот, позволял этой дурашке себя колошматить. Маленькая еще совсем, хоть и сиськи отрастила огромные. Ему никогда такие девчонки не нравились: фигуры никакой, зато голова, полная тараканов. Разве что мордочка прикольная – глаза зеленые, маленький носик, пухлые щечки, за которые хотелось ухватиться. И красивые волосы, струящиеся до самой поясицы, словно темный шелк. Но все равно не его типаж. Мutil он только со стройными, упругими, а главное, без особых принципов – честными давалками. В идеале – домашними. С баторскими попросту негде, питалки следят, разве что летом в лагере перепадет. А вот те, что с квартирами, – самый кайф. После секса шлепаешь босиком в ее кухню, открываешь холодильник и жарешь себе яичницу из пяти яиц да с колбасой. Роскошь! Короткие вылазки в чужой дом и чужую постель были для Лехи настоящей жизнью, а все остальное время можно было назвать хранилищем пустоты. К пятнадцати годам он научился закрываться внутри себя так, что ни одно чужое слово, ни одна мысль не долетала до него и не трогала. Замерозился.

– А ты мать свою помнишь?

Он вздрогнул. Достала эта Юлька, вечно лезет не в свое дело! Отругал себя за то, что расслабился – не успел поставить привычный блок, и мысль о матери больно шарахнула в мозг.

– Нет. Откуда?

– Совсем с ней не жил?

– Отказ она написала в роддоме.

– А, да. Я забыла.

– Ага. – Он твердо помнил, что ничего о своей матери Юльке не говорил. Но в баторе хватает рассказчиков.

– Увидеть ее не хочешь?

– Нет. На хрен она мне нужна?

Он выплюнул заученную фразу даже слишком быстро. Если бы Юлька внимательно слушала, то поняла бы, что он сейчас уязвим. А это плохо, нельзя такого допускать. Но она, к счастью, слышала только себя.

– А я хочу...

– Не бзди.

– Честно!

– Мне скоро квартиру дадут. Не хватало только, чтобы машина ее оттяпала.

– Дурак.

– Да че ты знаешь-то? – Леха завелся, пытаясь глубже запрятать свой страх, – сплошь и рядом такое! Мишка вон выпустился, родоки тут же приклеились. Пятнадцать лет он им не нужен был, теперь выпереть мамку с батей не может.

– Жалко ему, что ли? Пусть живут.

– Не жалко! – Леха взъерился. – Только бухают они оба и тащат к нему всех бомжей. Я ему говорю, дурак, вызывай мусоров. Они у тебя прав лишены, не должны на твоей территории находиться. А он – нет, жалеет.

Юлька помолчала. А Леха в который раз представил себя на месте Мишки. В глубине души он ему по-настоящему завидовал – и мать, и отец живы, не забыли о нем. Конечно, он тоже хотел бы увидеть мать, хотя бы понять, как она выглядит. Но никому в жизни не готов был признаться в этом. Гораздо сильнее этого желания был страх, что он, как и пятнадцать лет назад, ей на фиг не нужен. И что он при встрече скажет? Даже не знает, какое у нее лицо, чем она может пахнуть, каким голосом говорит. В детстве он постоянно ее себе представлял, глядя в зеркало. Мысленно рисовал рядом с собой образ – темноволосая красавица с добрыми глазами. Конечно, напридумывал себе, что ее обманули, отняли младенца силой. И вот он, пятилетний болван, ждал, когда она вспомнит о нем, когда найдет и заберет домой. А потом старшаки все объяснили – про то, что мать написала отказ в роддоме, что сама приняла решение. Значит, он с рождения на хрен никому не нужен. Отказник... Легче было закрыться и запомнить, что ты на свете один.

– А мне от мамы письмо сегодня пришло.

– А-а-а, – Леха ощутил ком в горле и почувствовал острую ревность, но постарался ничем себя не выдать, – и че она

пишет?

– Пишет, что рада за меня, – Юлька вздохнула, – типа круто, что нас на Черное море на все лето возили. Фрукты, воздух, все дела. А они там только по пыльному плацу вышагивают.

– И ты че?

Он услышал, как Юлька еще раз жадно припала к бутылке. Глотала так, словно пыталась запить стоявшие в горле слезы. Если бы не богатый баторский опыт, он никогда бы не распознал в девчонке обиду на мать. Хотел было ее утешить, но вовремя остановился. Бесполезно это все. Она не признается в том, что чувствует, не вылезет из своей раковины. Как и он сам. Пусть сидит. Так надежнее. Отсутствие эмоций – отличный наркоз.

– А я ниче. Не хочу отвечать.

Глава 2

– Вера, это что здесь такое?

Екатерина Викторовна ударилась в полутьме приемной бедром об острый угол громоздкого предмета. Журнальный столик справа от двери в ее кабинет всегда был девственно чист, а тут вдруг на него взгромоздился неизвестного назначения огромный куб.

– Ой. – Секретарша выскочила из своей каморки и включила в помещении свет. Екатерина Викторовна увидела стеклянный ящик для пожертвований с символикой их издательского дома.

– Это для сироток, – застрекотала Вера, – Яков Львович лично принес. Вы сильно ушиблись?

– Терпимо.

Катя, растирая ногу под шелковыми брюками, разглядывала инородный предмет. На коробе помимо названия издательства красовалась наклейка с плачущим младенцем и надписью: «На подарки детям-сиротам». На дне ящика уже покоились две купюры – одна пяти тысячная, вторая сторублевая.

– Гос-с-с-споди, – прошипела Екатерина Викторовна.

– Что такое?! – перепугалась Верочка.

– Почему сюда-то поставили?! – Начальница пыталась контролировать голос, но в нем железом зазвенел гнев.

– Яков Львович велел, – секретарша невольно попятилась, – сказал, здесь у вас люди добрее.

– Где это – здесь?! Под дверью моего кабинета?

– Ну да. Тут же камера висит, – Верочка виновато улыбнулась, – стимулируют щедрость. Все хотят, чтобы их видели за добрым делом.

– Потрясающая мысль! – Екатерина Викторовна бросила на Верочку обжигающий взгляд. Секретарша вздрогнула и с опаской обернулась на камеру.

– Ну, вы же знаете, – она беспомощно развела руками и зашептала, – если Яков Львович сказал...

– Вне всяких сомнений.

– Он еще просил предупредить, – Верочка еле шевелила губами и потела от страха: недовольство начальницы и приказ учредителя разрывали ее на части, – сегодня всем нужно быть на собрании в три часа.

– По какому поводу? – Екатерина Викторовна приподняла правую бровь.

– Будут прививать социальную ответственность в коллективе.

– Отлично, – начальница закатила глаза к потолку, – внеси в мой график.

– А у вас в это время встреча...

– Ничего, подождут, – она кивнула в сторону ящика, – я так понимаю, Яков Львович уже подал пример коллективу?

– Я тоже. – Верочка забавно покраснела, скромно опустив

глаза.

– Благодетели, – Екатерина Викторовна горько усмехнулась, а Верочка подумала о том, что начальница у нее черствая и вредная тетка, – соедини меня с ним.

Яков Львович не поленился – ровно в три часа в конференц-зале собрал почти весь коллектив детского издательства, без малого семьдесят человек. На экране замелькали жалостливые картинки. Вот мальчик стоит на подоконнике и смотрит в окно, вот девочка сидит со слезами на глазах за прутьями кроватки. Пузатая фигура учредителя на фоне детского горя выглядела насмешкой. С интонацией Левитана хозяин компании вещал о сиротах, о личной ответственности каждого и призывал включиться в «благое дело».

Екатерина Викторовна поморщилась от пафосной речи работодателя. Ей казалось, он вздумал прочесть вслух заказную статью из низкопробной газеты. Наконец Яков Львович перестал сыпать слезливыми сентенциями и перешел к делу. Выяснилось, что он договорился с директором одного из детских домов Москвы о регулярной помощи детям. Начали переговоры с того, что издательский дом хочет и может привозить ребятам новые книги и журналы. Важно поднимать уровень эрудиции ребят, помогать им в развитии. Яков Львович, помимо прочего, надеялся получить фотографии читающих, а заодно на глазах умнеющих детей-сирот для очередной кампании продвижения, которую он задумал. Однако в детском доме ему открыли глаза – одного желанья, чтобы

сироты что-то читали, будет недостаточно. Ребята вряд ли увлекутся художественной литературой и научно-популярными изданиями по собственной воле. Их надо будет заинтересовать, вовлечь. Вот и родилась идея о личных встречах с воспитанниками и о подарках.

Катя слышала в голосе Якова Львовича гордость, словно он отыскал-таки способ изменить мир к лучшему. Редакторы и корректоры, художники и верстальщики начали откликаться на вдохновенный призыв хозяина – посыпались предложения, идеи, советы. Сотрудники постарше как по команде начали вдруг вспоминать истории из своего советского детства и, перебивая других, рассказывать о книгах, которые сделали их людьми. Екатерина Викторовна вздохнула украдкой. Она и сама в школе читала запоем, могла забыть о сне и еде – лишь бы добраться до развязки очередного романа. С тех пор прошло тридцать лет. Сегодня дети стали другими. Ее старшая дочь отмахивается от любимых произведений матери, и та завидует тайком, когда слышит о подростках, которые обожают книги. Хорошо хоть младшая пока с удовольствием слушает сказки, рассказы и стихи Маршака, Маяковского, Зощенко, Заходера, Барто и всех, кого Катя с наслаждением читает ей перед сном. Но надолго ли это счастье? Со старшей они тоже провели немало счастливых часов за книгами, а потом началась школа, и желание читать как отрезало. Система образования сделала свое дело.

– Рад, что вы меня поддержали, – Яков Львович, казалось,

помолодел лет на десять: ему очень шел благотворительный энтузиазм, – нас ждут в детском доме в конце сентября. Поднимите руки, кто едет!

Человек двадцать отреагировали сразу. Остальные украдкой взглянули на Катю – поддержит инициативу главный редактор или нет? Екатерина Викторовна тяжело вздохнула – куда деваться? – и протянула ладонь к потолку. После этого вверх взметнулось еще несколько десятков рук. Она никогда не жаждала ампула серого кардинала, но так само собой получилось. И Яков Львович это прекрасно знал, без ее одобрения не затевался ни один проект.

– Вот и договорились! – подытожил учредитель. – Записывайтесь у Верочки. И не забудьте о жертвованиях – нужно купить детишкам подарки. Не ехать же с пустыми руками. Мы кое-что наметили, чтобы их порадовать...

Катя покатала на языке противно звучащее слово «детишки». Подачки совершенно незнакомым детям всегда казались ей неуместными, даже оскорбительными, но пока она решила молчать. Яков Львович заразил коллектив новой идеей – гораздо лучшей для молодых и пока в большинстве своем бессемейных сотрудников, чем пропадать все выходные по клубам и кабакам. А то, что люди представления не имели о жизни детей-сирот, так в этом не их вина. В газетах о судьбах сирот не пишут, по радио и телевизору о них не говорят. Откуда сотрудникам знать, что на самом деле нужно брошенным детям? И сама Катя не знала бы, если б не

горький опыт ее собственной матери.

Интернат – это не семья. Это машина, которая с первых дней убивает в ребенке волю к жизни. Какими бы подарками доброхотов ни был подслащен этот страшный процесс.

...Ночная Москва стремительно пролетала мимо. За лобовым стеклом мелькали фасады, огни, светофоры. Катя, не задумываясь, сворачивала то налево, то направо, подчинялась знакам «стоп» и послушно тормозила перед пустыми пешеходными переходами. Двенадцать лет один и тот же путь, одна и та же дорога. Утром и вечером. Удивительно, но она не казалась ей ни скучной, ни унылой. Напротив, все эти годы Москва в Катиных глазах преображалась, становилась лучше. В детстве и юности она недолюбливала свой город, боялась его огромных проспектов и угрюмых людей. Только потом, когда уже стала самостоятельной и взрослой, прониклась к нему романтическим чувством. И чем дальше, тем больше радовалась чистоте столичных улиц и удобствам московской жизни. Только совсем недавно осознала, что не столько менялась и хорошела Москва, сколько выросла она сама. В юности ей не доставало уверенности в себе и в том, что она нужна хоть кому-то. Теперь все изменилось: любимая семья, муж, дети, интересная работа и понимание того, что своей жизнью она управляет сама. Все-таки сорок лет – это сказочный возраст. Молодость пока никуда не делась, а опыта уже накопилось достаточно для четкой жизненной

позиции и взвешенных решений. Самое время радоваться и жить.

Цифры на электронном циферблате неумолимо приближались к девяти. Успеет только поужинать и уложить Машу спать. Катя на мгновение почувствовала укол вины: первое сентября, день знаний, а она даже не приехала пораньше домой. Не усадила семью за праздничный ужин, не поздравила Настю с началом учебного года в новой школе. Появляться утром на торжественной линейке строптивая девятиклассница ей категорически запретила – «я уже не маленькая». Но вечером-то надо было отметить, проявить внимание. А она?

Хотя, если честно, просто-напросто не было никакого желания праздновать очередное возвращение в привычный ад – в школу. Прошлый учебный год был таким, что хуже и не придумаешь. Настю выставили из престижного лица за вольность, которую дочь проявляла во всем – от внешнего вида до отношения к учебе, а заодно и некоторым нудным учителям. Организовала весь класс, написала петицию директору, в которой ясно было сказано, что учитель истории преподает новый материал, читая его по учебнику. Даже мухидохнут от скуки. Действий никаких не последовало, и Настя подбила весь класс на системные прогулы уроков истории. Разразился скандал. Дети неожиданно заняли принципиальную позицию, скандал перерос в открытый бунт. До комиссии дело не довели, директор сор из избы выносить не желал, но решил вопрос по-своему. Преподавателя попро-

сили уйти. Настю, как зачинщицу, следом за ним тоже. Катя посочувствовала ребенку, но воевать с системой не стала. Велела дочери самой разбираться с последствиями, и та гордо ушла, выбрав другую школу с очно-заочной формой. Не престижную, не известную, в старом неприметном здании в центре Москвы. Пока никто не знал, как все сложится на новом месте. Но Катя уже чувствовала, что нервотрепка с экзаменами добавит ей седых волос – волноваться придется за двоих. Сама Настя, как она непрестанно твердила, не собиралась «париться из-за дурацкого ОГЭ». Может, оно и к лучшему.

Оставив руль в левой руке, правой Катя достала из сумочки мобильный телефон. Набрала номер старшей дочери, долго ждала ответа, потом все-таки услышала звонкое «Алло».

– Настена, привет!

– Да, мам, привет!

Ребенок был рад ее слышать, и сознание этого моментально согрело. Все-таки, несмотря на собственное трудное детство, из нее получилась в итоге не самая плохая мать.

– Как все в школе прошло?

– Норм, – дочь явно улыбнулась в трубку, – веселый собрался класс. Три спортсмена, два музыканта, пятеро одноклассников живут за границей и вообще не появляются в школе. Ах да, еще семнадцатилетняя, типа замужняя, которая ждет второго ребенка.

– Ох... – Катя не на шутку перепугалась, но решила виду

не подавать, – и как тебя занесло в такую компанию?

– Легко. Хватит с меня ботанов.

– Но ведь будешь скучать по друзьям из старого класса.

– Я тебя умоляю!

Катя чуть было не спросила про уроки, про домашнее задание, но вовремя одернула себя: не стоит в первый же день. Да и вряд ли первого сентября им что-то серьезное задали. Главное, ребенок пошел в новый класс и учебный год с хорошим настроем.

– Скажи, а Машуня что делает?

– Папа ее купает, обещал уложить. Ты скоро будешь?

– Да, еду.

– Давай!

Судя по торопливости, у ребенка нашлись занятия поинтереснее, чем разговор с мамой. Опять, наверное, увязнет в Интернете за просмотром какой-нибудь ерунды.

– Ты тоже давай спать готовься! Завтра рано вставать.

– Ага. Я уже почти сплю.

Настя отключилась. Конечно, она и не подумает сразу ложиться – будет дальше смотреть на телефоне какой-нибудь очередной удушливый сериал, пока не услышит, как мама открывает входную дверь.

Хорошо было на каникулах! Целый месяц они плескались с Настенкой и Машуней в море в Италии, а Влад прилетал к ним каждые выходные. Настя играла с сестренкой, маленькая была от этого счастлива, а Катя, глядя на них обеих, от-

дыхала душой. А теперь вот из-за школы и ОГЭ придется снова лезть в шкуру цербера: насильно укладывать большого ребенка спать, следить за уроками, совать нос в тетради и электронные дневники, нанимать репетиторов. Опять начнутся скандалы и склоки. Настя в отместку, как в прошлом году, станет проявлять изобретательность, и их с мужем будут постоянно вызывать к новому директору: то из-за очередной петиции, то из-за нагло выкуренной за углом школы сигареты, то из-за организованного дочерью массового прогула. И кто только придумал запирать подростков на несколько лет в душных одинаковых классах, где им не хватает воздуха и движения? Нет, она просто не выдержит еще одного учебного года со всеми его стрессами и бесконечно звучащим в голове рефреном «что я за мать?».

В мыслях о школе Катя доехала до дома, с трудом припарковала машину – место нашлось только у соседнего дома – и поднялась в квартиру. Влад ждал ее. Сидел в гостиной прямо за обеденным столом с ноутбуком и, чтобы не терять времени даром, разбирал рабочую почту.

– Привет. – Он встал ей навстречу, подошел и поцеловал в макушку.

– Привет. – Катя с нежностью обняла мужа.

Удивительно, но после двадцати лет брака Влад в глазах Кати выглядел куда привлекательнее, чем в юности. Взрослый, уверенный в себе мужчина, на которого можно положиться. К тому же Катю радовал новый образ мужа: его бога-

тырское сложение и крупные правильные черты лица теперь хорошо дополняли аккуратная борода, усы и густые выющиеся волосы до плеч, забранные в хвост. Настоящий викинг. Хотя еще пять лет назад он по привычке носил короткую стрижку и гладко брился – такая мода была во времена его юности. Влад вырос в трущобах, среди подростковых банд. Каждый второй с их улицы сел в итоге в тюрьму, а оставшиеся на воле тихо спивались. Влада от участи соседских пацанов спасли две вещи – книги и компьютеры. В детстве он запоем читал. Сам научился разбирать буквы еще в три года и с тех пор не останавливался. В детском саду его сажали на стульчик и велели читать всей группе, что он и делал на радость воспитателям, которые в это время гоняли чай и сплетничали на кухне. Дома маленького Влада постоянно теряли – он забирался с книгой то под кровать, то в сарай, чтобы никто не мешал читать. И, едва придя с улицы, застывал над очередным романом в одной штанине, не успев до конца раздеться. В подростковом возрасте у него появилась еще одна страсть – компьютеры. Это было настоящее помешательство, IBM PC грезилась ему даже во сне, хотя он прекрасно понимал, что мать со своей зарплатой медсестры никогда не сможет купить ему такую машину. Просить о компьютере отца было еще глупее – тот уже потерял из-за пьянства работу и теперь покорно катился вниз по наклонной, сохраняя человеческий облик только усилиями жены. И тогда случилось чудо. Американская компания подарила шко-

ле, в которой учился Влад, целый компьютерный класс IBM PC. Мечта Влада сбылась, домой он теперь приходил только спать.

Он легко поступил в университет на отделение информационной безопасности и быстро женился на влюбившейся в него девушке с филфака. Катя, симпатичная и неглупая второкурсница, попросила взять ее замуж. Он не нашел причин отказать. Но ни вуз ни женитьба образа жизни Влада не изменили – он жил компьютерами и сутками пропадал в Интернете. Добраться до него было немыслимо, для людей он не существовал. Сколько слез пролила наивная юная Катя, пытаясь расшевелить мужа, одному Богу известно. И только когда она отчаялась и выгнала его из дома пять лет назад, заставив подать на развод, Влад вдруг осознал, что был не прав, и решил исправить ошибку. От развода Катю отговорил, отпустил волосы, усы, бороду и обратил свой взор к миру людей. Жена с ее бесконечными идеями и планами стала вдруг интереснее компьютера. Дочка, вечный раздражитель, обернулась любопытным существом – неугомонным строптивым подростком. А коллеги и клиенты из функций, которыми они были для Влада многие годы, превратились в отдельные личности. С этого момента карьера как заговоренная пошла в гору. Его приглашали для консультаций, он стал незаменим в составе рабочих групп по информационной безопасности бесчисленных госструктур. И зарплата подскочила в разы. Влад находил язык с кем угодно, от чиновников до ру-

ководителей международных компаний, его любили за шутки и толковые ответы на любые вопросы. Постепенно за ним закрепилась репутация человека открытого, честного и всеведущего. Того, кто не боится говорить правду в лицо руководителям какого угодно уровня и из принципа не берет откатов. За это отдельно ценили.

Новый муж, средневековый варяг, нравился Кате гораздо больше прежнего человека в футляре. С возрастом Влад по-настоящему расцвел, из сдвинутого на компьютерах мальчишки превратился в надежного, как крепость, мужчину. И любовь их окрепла. Это была удивительная метаморфоза, которой предшествовали самые разные, порой невыносимо сложные для них обоих события. Но только теперь, на пятом десятке, они научились по-настоящему ценить и беречь друг друга. Катя не уставала поражаться тому, как их брак умудрился пережить столько трудностей и при этом не сломаться, а напротив, стать крепче.

– Маленькая спит, – сообщил Влад жене, – большая тоже легла, но пока в телефоне. Ужинать будешь?

– Ты работай спокойно, – Катя улыбнулась ему, – я сама разберусь. Спасибо, что уложил детей.

– Пожалуйста, – Влад улыбнулся в ответ, – это было несложно.

Катя погладила его по руке, поцеловала в щеку и отправилась исследовать холодильник.

Глава 3

Прospала! Чего Екатерина Викторовна категорически не научилась делать в жизни даже к сорока годам – так это вставать с утра пораньше. Особенно по выходным. Так хотелось хотя бы пару раз в неделю никуда не спешить, как следует выспаться, а потом, дождавшись, когда годовалая Маша собственной персоной приклепает босыми ножками к родителям в спальню, поваляться вместе с ней в кровати еще немного. И только потом одеваться, идти на кухню, ставить чайник.

Сегодня все было не так – в восемь предстояло выйти из дома, а проснулась она только в семь тридцать. Завтракать Катя не стала, времени не нашлось. Успела только натянуть джинсы, водолазку, умыться и чуть-чуть подкраситься. Роскошь выходить из дома без косметики в последние годы стала ей недоступна. Как ни пряталась она от солнца на отдыхе и в Москве, оно каким-то чудом успевало приложиться к чувствительной коже лица, оставляя на лбу досадные коричневые следы. Первое время Катя жутко расстраивалась из-за пигментных пятен, выискивала и пробовала разные средства, а потом устала от бессмысленной суеты и смирилась. Утешила себя тем, что все остальное пока при ней – стройная фигура, высокая грудь и, главное, интересные черты восточного лица, обрамленного пышными темными волосами.

Нужно было только выровнять тональным кремом цвет лица и нарисовать аккуратные стрелки на глазах, которые добавляли томности глубокому взгляду.

Даже сэкономив время на завтраке, прибыть в детский дом, который находился в двух часах езды от дома, к десяти часам утра оказалось задачей невыполнимой. В итоге справилась она только наполовину – приехать приехала, но опоздала на целых тридцать минут.

Машина уткнулась носом в толстые железные прутья, и Катя заглушила мотор. Ограждение тянулось по всему периметру детского дома, и пришлось побегать в поисках калитки. Наконец нашлась будка охранника, кнопка звонка. Вопрос «вы к кому?», и ворота открылись с протяжным стоном. Катя почувствовала, как по спине побежали мурашки. Она никогда в жизни не бывала в тюрьмах, но почему-то сейчас ей казалось, что она попала именно туда. Нет, никакой колючей проволоки и высоких бетонных стен – все было чисто и красиво: свежесвеженное здание, футбольная площадка, деревья во дворе. Все напоминало обычную столичную школу. Кроме атмосферы трагедий и несчастий, боли и одиночества, которыми, казалось, пропитан воздух.

– Вы на День Аиста? Проходите быстрее! Концерт уже начался.

Юркий светловолосый мальчишка, лет двенадцати на вид, встретил ее у входа, принял плащ и подвел к столу регистрации. Две бойкие сотрудницы тут же начали задавать ей тыся-

чу вопросов о семейном положении, о бумагах, и Катя растерялась. Но потом поняла, что ее по ошибке приняли за потенциального усыновителя, и ограничилась вручением регистраторам визитки.

– Я из издательского дома.

– А-а-а.

– Это спонсоры! – весело крикнул мальчишка.

– Тогда ничего не нужно, – смилостивилась старшая дама и пригласила: – Проходите в зал.

Обе работницы тут же потеряли к Кате всякий интерес.

– Налево или направо?

– Я провожу! – Мальчишка вновь подскочил к Кате.

Без лишних церемоний он схватил ее под руку и потащил в глубь коридора. Катя старалась не выдать своей неловкости, даже неприязни – настойчивое и собственническое прикосновение чужого мальчика было пугающим. Ребенок сжимал ее локоть все сильнее, словно пытался им завладеть.

– Меня Сережей зовут, – представился он по собственной инициативе.

– Екатерина Викторовна.

– Очень приятно. А у вас дети есть? – сразу же поинтересовался пацан.

– Есть. – Ответ прозвучал глухо.

– Да?! – Он как будто бы удивился. – И сколько же им лет?

– Пятнадцать лет старшей и годик младшей.

– О-о! Мне тоже пятнадцать!

– Неужели? – Катя искренне удивилась и, воспользовавшись заминкой, вытащила из цепких пальцев подростка онемевший локоть. Но он тут же впился в ее ладонь. – Мне показалось, ты намного младше.

– Неа, это только по росту. Меня как в батор сдали, я перестал расти.

– Куда сдали?!

– Сюда. В батор.

– Впервые в жизни слышу такое слово. – Катя задумалась, пытаюсь разобраться с его этимологией.

– Ну, – Сережа пожал плечами, – у нас тут все так говорят.

– И что означает этот «батор»? – Никакие стóящие догадки в голову не приходили.

– Как что? – Сережа удивился непонятливости гостыи. – Детский дом.

– И сколько же тебе было лет? – Катя не удержалась от вопроса и тут же об этом пожалела.

– Когда моя мамка померла или когда бабка сюда сдала?

У Кати пересохло во рту. Сказать не получилось ни слова. Сережа понял, что ждать ответа бесполезно.

– Одиннадцать. Это когда насовсем. – Он низко опустил голову, как будто не хотел, чтобы женщина увидела, что творится с его лицом. Но она успела заметить, как маска безразличия сменилась гримасой боли, которую он поспешно скрыл.

Они замолчали и дальше шли под стук собственных ша-

гов. Катя отчего-то стеснялась этих настойчивых гулких звуков, которые разносились по всему коридору. «Как в морге», – почему-то подумалось ей. Потом послышались монотонные голоса из актового зала. Впереди показались чуть приоткрытые высокие двери, и в проеме стали видны бесчисленные затылки подростков. Катя опешила. Сколько их здесь?! Она попыталась сосчитать, но тут же сбилась. Человек сто, не меньше. Ни войны, ни катастрофы, мирное время, так откуда в детском доме так много детей? Она прекрасно понимала, как попадало в детские дома поколение ее матери – дети, родившиеся в конце тридцатых – начале сороковых прошлого века. Это было известно и объяснимо. А сейчас? Катя стала вглядываться в затылки. Головы опущены, шеи обнажены – все как один копались в своих смартфонах и не обращали ни малейшего внимания на сцену. Ряды и ряды одинаковых напряженных затылков. «Инкубатор!» – догадалась вдруг Катя. Вот откуда взялось это странное слово «батор». Она вспомнила, как ее мать рассказывала, что домашние дети всегда дразнили детдомовских «инкубаторскими». Как только сразу не поняла.

– Спасибо тебе большое, Сережа, – ей вдруг стало неловко за то, что мгновением раньше она хотела вырваться из рук мальчишки, – я бы заблудилась одна.

– Пожалуйста. – Он едва заметно улыбнулся и неохотно отпустил наконец ее горячую от волнения ладонь.

– Вы к нам часто приходите теперь будете, да?

– Нет, – она посмотрела на него внимательно, – а почему ты так решил?

– Да слышал, что директор наш с вашим издательством дела какие-то спонсорские замутил. Что-то там про книги.

– Надо же, как быстро у вас распространяются новости, – она покачала головой, – и что ты об этом думаешь?

– Фигня полная! – Сережа пожал плечами. – Никто из наших читать не будет.

– Почему?

– Скучно.

– А что вам не скучно?

– Да мало ли, – он нехорошо ухмыльнулся, – а вот планшеты давайте привозите еще. Это нам надо!

Катя не нашлась что сказать в ответ. Подросток развернулся на пятках и, фамильярно махнув ей на прощание рукой, двинулся в обратном направлении. В дальнем конце коридора показалась семейная пара лет пятидесяти, и Сережа моментально переключился на них. Через несколько секунд он уже крепко держал за локоть другую незнакомую женщину и что-то без умолку говорил ей прямо в ухо. Он не замечал ни ее растерянности, ни нервных попыток мужа втиснуться между юным провожатым и своей женой. Мальчик просто хватал то, что мог получить, – несколько секунд безраздельного внимания взрослых. Любых и всяких, лишь бы их можно было присвоить себе на пару секунд, а потом навсегда забыть.

Катя наблюдала за происходящим с Сережей теперь уже со стороны, и ее накрыло горькое чувство. Этот ребенок бросался на всех и каждого словно коршун. В свои пятнадцать он вел себя как пятилетний малыш. Ну не станет обычный подросток искать контакта с каждым встречным и поперечным, не будет он за считанные секунды взламывать чужое личное пространство при первой же встрече. Хотя бы какая-то природная стеснительность просто обязана быть, даже если речи не идет об элементарной вежливости. По Насте Катя прекрасно знала, какими подозрительными делаются дети в подростковом возрасте по отношению ко всем взрослым – было непросто завоевать доверие пятнадцатилетних, и мало кому это на самом деле удавалось. А здесь – раз, два, бесцеремонное вторжение, а за ним – ничего.

Мать как-то рассказывала Кате, что в ее группе тоже были такие дети – бросались на каждую тетку с криками «мама-мама». Сама она так не делала, наоборот, пряталась от всех куда подальше. А этих «слюнявых маменькиных сынков» в группе горячо ненавидели и часто били. Так что подростками они все до последнего поумнели и твердо усвоили – не высывайся, а то получишь. Да и не было уже смысла к кому-то приставать – больших детей советские семьи не усыновляли. Изредка могло повезти только младенцам, которые вместе с новой жизнью в бездетной семье получали другое имя и легенду о своем происхождении вместо реальности. Но это было очень давно, больше шестидесяти лет

тому назад. Другая страна и другие люди. Катя понятия не имела, как сейчас обстоят дела и что изменилось в детских домах.

В подавленном состоянии она вошла в зал и опустилась на свободное место поближе к выходу. Через кресло от нее, развалившись и вытянув ноги в проход, сидел огромный вихрастый парень лет семнадцати. Приятной внешности, но с диким звериным взглядом. Он то и дело поглядывал на дверь, около которой стоял бдительный охранник, и тяжело вздыхал. На сцене тем временем неохотно топтались четыре подростка, отвратительно плохо разыгрывая неизвестную пьесу. Каждый думал только о себе, все без исключения забывали слова, ждали подсказки от суфлера и вставали к залу спиной. Катя поморщилась, уловив, как безбожно дети коверкают и искажают фразы, даже несмотря на подсказки. Впрочем, текст подобного обращения, кажется, заслуживал. Это был набор бессмысленных современных словечек с претензией на юмор. Возможно, кому-то и захотелось бы посмеяться, если бы не было настолько печально на все это смотреть. Пытка «театром» наконец закончилась, и на поклон вышел автор пьесы и режиссер – пожилой неопрятный мужчина лет шестидесяти со свисающими на плечи жидкими волосами, в истертой до дыр жилетке. Он что-то говорил об отдаче себя «этим несчастным детям», о добром и бескорыстном труде, постоянно намекая на свои благочестие и талант. Слушать такое было неловко. За постановкой последовал танец. По-

том еще один. А в финале концерта зазвучала песня про маму. Дети-сироты выстроились в два ряда на сцене и выводили мелодию разнокалиберными голосами. Сотрудники детского дома украдкой поглядывали на потенциальных усыновителей – удалось ли выбить слезу? Катя вдруг почувствовала себя так, словно попала в чудовищный магазин живого товара. Она отчетливо видела, как мальчик в центре хора хотел всем понравиться и едва не выпрыгивал со сцены; как крайняя девочка в первом ряду пыталась спрятаться за других детей, а бдительный воспитатель постоянно вытаскивал ее за плечо. Лицо девчушки покраснело от бессильной злости, на глаза навернулись слезы. Кате стало жалко ребенка. Что творилось в душе этого маленького человека, который вынужден был стоять перед толпой незнакомых людей помимо собственной воли?

– Глянь, как новенькая трепыхается. – Катин сосед обернулся к своему приятелю, смазливому блондину с челкой, налезавшей на глаза.

– Ясен пень, – блондин тряхнул своей роскошной гривой, – ее только месяц назад привезли.

– А че там случилось?

– Вроде папаша мамашу замочил и потом сел. Динку эту сунули к нам.

– И че, есть повод портить концерт? – вихрастый хмыкнул, – у меня тоже папаша мать метелил до полусмерти, пока она его в итоге не грохнула. А сама в тюрьгу...

– Во-во, – смазливый с умным видом кивнул, – а мой бабушку нашу замочил. Она топовая была, обо мне заботилась.

– О том, блин, и речь, – вихрастый пожал плечами, – обычное дело. У всех так. Смотри-ка, питалки стараются, а она, блин, ни в какую не хочет петь.

– Воспитаем. И не таких ломали.

– Сломаешь их, – парень тяжело вздохнул, – сто раз говорил, блин, чтобы на Дне Аиста нормально себя вели. Не понимают.

– Да ладно, Макс, – смазливый усмехнулся, – до мозга не доходит, до почек дойдет.

Катя не сразу поняла, что именно хотели сказать эти двое. А когда сообразила, кровь прилила к голове и бешено застучала в висках. Что делать? Объяснить им прямым текстом, что за одни такие намерения можно в комнату полиции по делам несовершеннолетних попасть? Что она пожалуется на них директору? Очень смешно. Весь вид этих парней указывал на то, что это они настоящие хозяева детского дома. А директор и прочий персонал нужен лишь для того, чтобы обслуживать их. «Не лезь в чужой монастырь, целее будешь». – Катя повторила про себя любимую фразу мамы. И только теперь, в окружении озлобленных подростков, начала понимать, что именно ее собственной матери когда-то довелось пережить. Почему она замкнулась в себе и осталась «замороженной» на всю свою жизнь.

Катя спрятала в ладонях лицо и с силой прижала пальцы

к глазам.

Глава 4

... – Имеем честь поприветствовать всех собравшихся в этом прекрасном зале. – Екатерина Викторовна вздрогнула от зычного голоса учредителя издательского дома. Пока звучала чертова слащавая песня о маме, шеф успел забраться на сцену с огромной коробкой подарков и приготовился произнести речь. Издалека, с задних рядов, он был похож на воздушный шарик, одетый в костюм от Бриони.

– Яков Львович, мы вам так благодарны за внимание к нашим детям! – отвесила ответный поклон дородная дама в безразмерном пиджаке и с добродушным оскалом. Явно из администрации детского дома, но Катя пока не успела разобратся в местном официозе.

Дорвавшись до микрофона, шеф увлеченно нес ахинею о потрясающих возможностях для ребят в детском доме, о творческом развитии, об искусствах, о домашней атмосфере, о счастье жить в кругу заботливых воспитателей и добрых друзей. Катя едва удержалась от того, чтобы не заткнуть себе уши – лишь бы не слышать этого бреда. Многие дети помладше нервно заерзали в креслах, несколько подростков громко, с издевкой, захохотали. Воспитатели тут же оказались рядом с бунтарями и что-то торопливо зашептали им в уши, пытаясь усмирить. Наконец Яков Львович заткнулся и приступил к тому, ради чего, собственно, и был приглашен

на сцену. Дети замерли в ожидании. Заместитель директора детдома – рядом с учредителем на сцене, оказывается, была именно она – называла имена ребят, они один за другим поднимались на сцену, получали ценный подарок и выстраивались в ряд. На дорогую игрушку, планшет, заранее были закачаны все детские книги и журналы их издательского дома. Катя, пробыв среди сирот всего только час, уже не сомневалась, что судьба гаджетов будет какой угодно, вот только ридерами они никогда не станут. Раздача шла по странному принципу, подарки достались далеко не всем – награду вручали тем ребятам, которые принимали участие в концерте. Все они сидели в первых рядах и молниеносно оказывались на сцене. Остальные, и среди них самые старшие, остались не у дел.

Планшеты закончились, почти сорок детей теснились на сцене и прижимали к груди белые коробочки. Что-то говорила в микрофон заместитель директора, Катя улавливала только обрывки фраз.

– ...сможете развивать эрудицию... прикоснетесь к прекрасному... ваши таланты раскроются...

– Вы у меня, блин, дождетесь, с-с-суки. – Она уловила едва слышное шипение Макса.

Вихрастый подскочил с места так, словно его ткнули ножом. На скорости обогнул охранника, вылетел из актового зала и успел сделать едва заметный знак смазливому и нескольким другим. Приятели тут же метнулись следом за

ним.

Катя почувствовала, как нарастают злость и агрессия задних рядов. Эмоции подростков зашкаливали – они стали почти осязаемыми, Катя и сама заразилась ими. Только злилась не на других людей, как это делали старшие детдомовцы, а на саму себя: нельзя было пускать идею Якова Львовича на самотек! Надо было подавить эту чертову инициативу в самом зародыше. Уж она-то знала, как поступали в детдоме с теми, кто получал больше остальных. Мать не раз ей рассказывала. Только Катя, наивная дурочка, думала, что сейчас ничего подобного уже нет. На дворе двадцать первый век. И вот теперь на ее глазах из прекрасной идеи издательства приобщить сирот к чтению на ее глазах рождалось что-то чудовищное, чему Катя не знала названия и с чем сама столкнулась впервые в жизни. Тем временем довольный учредитель компании пригласил и своих подчиненных подняться на сцену. Сотрудники издательского дома встали со своих кресел, им хлопали. Взрослые, взобравшись на сцену, стали обнимать детей, получивших подарки. Фотоаппараты защелкали, вспышки засверкали. Яков Львович, которого распирало от гордости, позировал фотографам в гуще детей. Потянулись вверх руки с телефонами, на которые делались трогательные селфи в обнимку с сиротками. Катя, не в силах больше смотреть на весь этот балаган, резко поднялась и вышла из зала. Она ничего не видела вокруг, слезы застилали ей глаза. Кто-то неожиданно дернул ее за рукав.

– Вы на экскурсию идете? – спросил детский голос.

– Куда?! – Катя посмотрела на девочку-блондинку невероятной красоты.

– Все идут. – Красотка пожала плечами и тут же растворилась в толпе.

– О-о-о-о-о, Екатерина Викторовна, – Яков Львович вышел из зала, сияя как медный таз, – и вы здесь! Как же я рад!

– Простите, я уже уйду. – Катя попыталась выбраться из смыкавшегося вокруг нее кольца коллег, но это оказалось непросто.

– Идемте с нами! Сейчас заместитель директора покажет нам, как ребята живут.

– Зачем?

– Традиция, – с готовностью пояснила дородная дама со сцены, – дорогая Екатерина Викторовна, уважьте. Нам и правда есть что показать.

Яков Львович приобнял свою добычу за талию и потащил к лестнице вместе с издательской группой, выкатившейся из зала. Сотрудники оглушали Катю восторженным щебетом: «как хорошо все прошло», «Яков Львович герой», «такое нужное дело», «славные детишки». Ей хотелось оттолкнуть от себя всех этих людей, оказавшихся вдруг совершенно чужими. Как же они не понимают? Как не чувствуют невыносимого горя, которым пропитаны в этом доме даже стены?

После объятий с сиротами коллеги были возбуждены и наперебой делились впечатлениями. Кате стало душно, ее

словно заперли в раскаленной сауне и не хотели выпускать. Она мечтала вырваться, убежать туда, где нет людей, чтобы поднять голову к небу и по-волчьи завывать. Но вместо этого она была вынуждена идти на экскурсию...

Сначала их вели по длинному коридору, показывали спортзал, столовую, изолятор. Все чистое, сверкающее, оборудованное по последнему слову техники. Потом провели вверх по лестнице. Открыли дверь и пригласили в гостиную. Дорогие портьеры, мягкий ковер, кожаные диваны, плазменный телевизор, шкафы с игрушками и книгами. «Это наши друзья подарили», «а это лично от мэра», «а тут фотография детей с депутатами», «а это со звездами эстрады»... Если забыть, где находишься, можно подумать, что зашел в гости к приятелю – высокому чиновнику. Только почему-то с экскурсией и целой толпой. Заместитель директора с гордостью демонстрировала детские спальни, рассказывала о социальных мамах, которые теперь работают вместо воспитателей все пять дней в неделю, показывала кухню, оснащенную прекрасной плитой, духовым шкафом и при этом стерильно чистую.

– Детки живут как в семье, в настоящей квартире, – повторяла она словно мантру.

– А зачем тогда общая столовая? – очнулась Екатерина Викторовна.

– Как зачем, – женщина искренне удивилась, – детки там обедают и ужинают.

– Но если как в семье, они же вместе с социальной мамой готовят.

– Нет, – заместитель директора по-доброму улыбнулась, – они готовят, если хотят этому научиться. А вдруг что-то не получится? Мы не имеем права оставить детей голодными. У нас работают прекрасные повара.

– И уборщицы есть?

– Конечно.

– И белье персонал стирает?

– Обязательно. У нас всюду порядок! Ну, пойдете дальше.

– А это что? – Катя остановилась напротив информационного стенда.

– Расписание на месяц. – Замдиректора с гордостью продекламировала. – Поездка на экскурсию в Кремль, творческий конкурс, чемпионат по футболу, День Аиста, поход в цирк, кулинарный мастер-класс... У наших детей не бывает свободного времени. Все так четко спланировано, что они постоянно заняты делом. Спасибо нашим спонсорам и друзьям!

Катя чувствовала себя так, словно попала в пластмассовый мир. Все искусственное, ненастоящее, понарошку и напоказ. Дети живут в игрушечной семье в роли марионеток, за которых решают всё кукловоды. У них есть мамы понарошку, но эти женщины уходят от них на выходные в свою семью, к собственным детям, а еще берут от сирот больнич-

ные и отпуска. У ребят есть квартира с прекрасной гостиной, кухней и спальнями, но туда почему-то как в зоопарк водят экскурсии. И нет личного пространства, нет ни минуты своего времени.

Яков Львович восхищенно оглядывался и то и дело пытался поймать взгляд главного редактора, горделиво улыбаясь. словно это он обеспечил детдомовцам завидный достаток и уют. «Я же говорил, – повторял он время от времени, – прекрасный детский дом, все для ребят».

– Да-а-а, у меня квартира попроще, – выдала младший редактор Людочка, когда они снова вышли на лестницу. – А здесь красота какая, все есть! Я и не думала, что государство так шикарно о сиротах заботится.

– Кто бы знал, – отозвался водитель Володя, – роскошь! Да еще шестиразовое питание.

– Это еще не все, – довольная провожатая поторопилась подлить масло в огонь, – летом дети по три месяца отдыхают на море, многие за границу от детского дома ездят.

– Вот это условия, – не удержался руководитель редакции, – надо своих сорванцов к вам на лето отдать. Пусть лишний раз за границу смотаются!

Все как по команде рассмеялись. Катя не выдержала – не прощаясь, она выскочила из толпы и побежала вниз по лестнице. Ее обжигали собственные слезы и взгляды детей, с которыми она сталкивалась по дороге: ищущий Сережин, укоряющий Динкин, обжигающий Максов...

Она выбралась за территорию детского дома за мгновение до того момента, как рыдания задушили ее. Катя не могла, не умела понять того, что здесь происходит. Она физически остро чувствовала боль и неприкаянность чужих детей.

Глава 5

– Юлька, бежим!

– Куда?!

– В убежище! Макс со старшаками все видел!

Леха с Юлькой кубарем скатились со сцены, оставив менее проворных и сообразительных товарищей по несчастью фотографироваться со спонсорами. Каждый раз было одно и то же – тетки и дядьки лезли в конце на сцену, чтобы сделать с сиротками селфи. Начинали тянуться со своими потными от волнения объятиями. Противно прижимались жирными или костлявыми бедрами – как будто за подарки присваивали себе на несколько мгновений ничьих детей. Леха прекрасно знал, что потом эти фотки разлетятся по всяким ВКонтакте и Фейсбукам – взрослым всегда надо показать всему миру, что они молодцы. Делают доброе дело, помогают «детешкам». Поэтому и невозможно ни с кем из них по-настоящему иметь дело. Двучленные твари! За пятнадцать лет в детском доме он узнал их изнанку как нельзя лучше.

– Да что он видел?! – прошипела запыхавшаяся Юлька, когда они наконец добежали до места и залезли в убежище.

– Дура! Как нам планшеты дарили.

– Макса в зале не было.

– Ты че, слепая? – Леха вытаращил глаза. – Сидел все время на последнем ряду. Выскочил, когда нам вручили, а ему

нет. Он каждого запомнил!

– Думаешь, отберет?

– Нет, блин, дурашка, тебе оставит!

– А я не отдам. – Юлька прижала планшет к груди.

– Жить захочешь, отдашь.

Юлька задумалась, глядя на новую картонную коробочку. Куда ее спрятать в баторе, вот это головоломка. Из тумбочки и из-под матраса сопрут в два счета, причем скажут, что так и было. На шкаф можно попробовать, но тоже не надежно. Свои же найдут. Еще вариант – в вентиляцию в потолке: снять решетку, засунуть планшет и потом вернуть все на место. Но там старшаки бутылки с алкоголем прячут, если наткнутся случайно, точно заберут и еще по шее накостыляют. К Таньке на хранение отнести, если воспитательница выйдет разрешит, – вот это был бы лучший вариант. Но тогда толку от планшета ноль. Что есть он, что его нет. Да и Таньке доверять нельзя – или сама без спросу пользоваться начнет, или того хуже – продаст, когда опять детей кормить будет нечем. Бестолковая у брата телка. Нормально заработать не может, пока их отец мотает срок. У нее это «нечем кормить» ровно через день.

– Ты куда прятать-то будешь? – спросила она Леху.

– Все тебе скажи, – он задумчиво вертел в руках плоский гаджет, – места надо знать. Я, может, продам.

– А сколько дадут?

– Хорошо, если косарь, – Леха вздохнул, – самую дешевку

всучили.

– Вот уроды! – Юлька почувствовала гнев: столько мучений с этим гаджетом, а его даже толкнуть нормально нельзя.

– Да ладно тебе. Дают – бери, бьют – беги.

– Лол!

Они посмеялись ради успокоения души и снова напряженно замолчали.

– А у тебя от своей квартиры ключей нет? – поинтересовался Леха.

– Нет, конечно. – Юлька моментально разозлилась: – Размечтался!

– Может, так залезем? – Леха не расслышал напряжения в ее голосе. – Спрячем пока там. Это же недалеко?

– Нельзя, – отрезала Юлька, – там все опечатано. И после обыска комната вверх дном.

– Ух ты, круто! И че менты у вас искали?

– Тебе какое дело? Отвали!

– Дура! К ней как к человеку...

Леха едва успел увернуться от ладони, которая нацелилась ему прямо в щеку. Схватил Юлькину руку за запястье и сжал крепко, словно железной клешней.

– Те че себе позволяешь?!

– Да бесит меня уже все! – воскликнула Юлька. – Достали! И батор этот ваш долбаный!

– Такой же ваш, как и наш! – Леха тоже орал в ответ. – Не фиг на мне свою злость срывать.

– Больно, – пропищала Юлька и попыталась дернуться, – отпусти.

– Обойдешься. Сначала проси прощения.

– Да пошел ты. – Юлька по-детски обиженно всхлипнула.

– Проси!

Она беззвучно зашевелила губами, словно действительно хотела просить прощения, только неожиданно потеряла голос, но вместо извинений вдруг заплакала. Навзрыд, тяжело. Леха тут же отпустил ее руку – понял, что дело зашло слишком далеко. Каждый в баторе знал главное правило выживания: никогда и ни перед кем не показывать свою слабость. Иначе забьют. А в Юльке вдруг что-то сломалось. Первый раз за все четыре года, что она была здесь, Леха видел ее в слезах. С таким настроем в этих стенах не выжить. Нужны прочная защита и крепкая броня.

– Валить тебе надо, – посоветовал он хрипло.

– Куда?!

– В приемную семью хотя бы, – пожал плечами Леха.

– У меня своя мама есть, – проговорила Юлька, продолжая вздрагивать и всхлипывать.

– И где она?

– Где надо!

– Вот-вот! – Леха тяжело вздохнул. – Иди потрись там на Дне Аиста. Глядишь, и приютят тебя какие-нибудь пенсионеры. Обогреют.

– Это я тебя щас огрею, если не заткнешься! – Юлька не на

шутку взъярилась, а Леха обрадовался: ярость для защиты лучше, чем слезы. – Сам себе ищи семью!

– Мне не надо, – отмахнулся он.

– Ври больше, домой все хотят.

– Чего?! – Леха расхохотался. – Вот точно ты – дура. У меня тут дом! Я здесь вырос! На хрен мне тащиться в какую-то там семью. Ради чего?

– Придурок! Тебе восемнадцать через пару лет стукнет, и выпрут тебя из батора. Куда пойдешь?

– Тоже мне проблема! – Леха закатил глаза. – Я в отличие от тебя отказник, мне государство квартиру даст.

– Да-а-а-аст, – Юлька противно сощурила глаза и поджала губы, – лет через пять. Ванька уже сколько лет ждет, и ни фиги. Ты его видел? Бомж.

– Заткнись! – Леха даже самому себе не позволял погружаться в мысли о будущем, и тем более никому другому такого права не давал. – Ванька не в Москве родился, у него все запутано. А я чистый. Москвич и без недвижимости. Все путем!

– Господи, – Юлька закатила глаза и передразнила Леху, – ма-а-а-асквич. Что ты в этом понимаешь?

– Слушай, – черные глаза зло сверкнули, – не смей меня лечить! А сама вали давай в семью, раз все так достало.

– Не знаю, – Юлька задумчиво поковыряла сломанным ногтем с облупившимся черным лаком край коробки планшета, – может, хотя бы в гости на выходные ходить?

– Вот-вот!

– Попрошусь, чтобы видео про меня сняли...

– Валяй.

– А ты? Застрянешь же в баторе.

– Ну и пусть. Денег на книжке больше накопится – пенсию по потере отца дают. Потом на биржу труда встану, буду по восемьдесят косарей в месяц получать.

– На бирже платят только полгода. А дальше что?

Леха почувствовал, как снова начинает закипать. Нельзя позволять этой пигалице лезть, куда не положено.

– А никакого «дальше» нет, – припечатал он, – сдохну! Пошли лучше бухнем.

Юлька задумалась ненадолго, потом похлопала ладошкой по коробке с планшетом.

– Это куда девать?

– Упаковку тут кидай, планшет под толстовку в джинсы засунь, – распорядился Леха, – зарядник в карман.

– Че пить-то будем?

– Че сопрем, то и будем. Пятилетний коньяк.

Они на четвереньках вылезли из домика на детской площадке, отряхнулись и, оглядываясь, двинулись гуськом по тропинке к дальнему магазину. Во всех ближайших супермаркетах и ларьках баторских уже знали как облупленных, доходило до обидного – некоторые охранники не пускали даже вовнутрь. Хоть с деньгами, хоть как. Дальний магазин после проверки оказался отличным вариантом – обстановку

Леха заранее изучил, знал, куда смотрит каждая камера. Так что бояться было нечего.

Они уверенно вошли и стали деловито пробираться между тележек и полок с товаром. Леха добрался до пяточка, который не захватывала видеосъемка. Сунул в джинсы под ремень маленькую плоскую бутылку, которая удобно наполнила впалый живот, и опустил сверху полу безразмерной толстовки. Хотелось взять еще одну бутылку, но решил не рисковать. Потом подошел к полке со сладостями, выбрал дешевый шоколадный батончик и с беззаботным видом двинулся к кассе. Юлька как хвост шла следом за ним. На пару они наскребли мелочи по карманам, заплатили за шоколадку. Помахивая чеком, Леха пересек рамку. И вдруг дорогу ему преградил охранник. Дядька лет шестидесяти был здесь новеньким, Леха его ни разу не видел.

– Простите, мне туда. – Леха попытался увернуться, но не смог. Настырный охранник снова возник перед ним.

– Сначала полицию вызовем и протокол составим.

– А че случилось?

– Как тебя зовут? – Дядька крепко держал его за плечо.

– Питер Пен. – Леха чувствовал, что вырваться силой бесполезно.

– Не понял?

– Вы что, не знаете? Есть такой герой, – Леха начал ози- раться в поисках помощи, – отбирает у богатых и отдает бед- ным.

– Что? – Дядька невольно рассмеялся. – Это Робин Гуд, неуч. Ты-то кому отдашь?

– Вон ей! – Леха весело кивнул в сторону, дядька повернулся в том же направлении. Воспользовавшись секундой, Леха изо всех сил рванул руку и резко стартовал с места.

Юлька бросилась следом за ним. Но и охранник не заставил себя долго ждать. Он что-то крикнул напарнику и неожиданно резво выскочил из магазина. Несмотря на преклонный возраст, охранник практически не отставал от ребят, наступал им на пятки. Леха начал петлять – забегать во дворы, огибать дома. Юлька еле-еле успевала следом, но они почти оторвались. А потом вдруг на противоположном конце улицы показался Макс вместе со своими. Он молниеносно оценил ситуацию и бросился Лехе наперерез. Тот заметался, рванул в сторону, хотел перескочить через забор, но не рассчитал свои силы, зацепился штаниной за острый край. Послышался треск рвущейся ткани. Леха упал животом на землю. Юлька отчетливо слышала глухой удар и Лешкин душераздирающий крик. Охранник и Макс были уже рядом. Юлька бросилась в другую сторону. Краем глаза она успела заметить только, как перекосилось от боли лицо Лехи, который корчился у ног охранника на земле.

Глава 6

После той злополучной поездки в детский дом Катя совсем перестала спать. Ее мучило отвратительное чувство бесполезности и вины, о котором она никому не могла рассказать, – бессвязные мысли не желали оформляться в слова. Влад поглядывал на жену сочувственно, но ждал, когда она заговорит сама. За долгие годы брака он неплохо изучил Катю и улавливал малейшие перепады ее настроения. По опыту знал: пока жена не придет к нему сама, нет смысла о чем-то расспрашивать. А она словно нарочно избегала оставаться с мужем наедине. Переделав домашние дела, половина из которых были не обязательными и только тянули время, после полуночи она ложилась рядом с уже спящим Владом в постель и закрывала глаза. Но сон не шел. Перед внутренним взором возникали лица детдомовских ребят. Промучившись несколько часов кряду, она потихоньку выскальзывала из-под одеяла, садилась за компьютер, всю ночь читала все, что могла найти о детских домах. На глаза нередко попадались статьи из криминальных хроник. О насилии детдомовских друг над другом, о детских беременностях и убийствах. Волосы вставали дыбом, Катя отказывалась верить тому, что прочитала. Когда-то давно похожие ужасы рассказывала ей мать, но Катя психологически закрывалась от них, не позволяла подобным историям задерживаться в сознании.

Со временем заставила себя поверить в то, что ничего подобного в детских домах уже нет – дети не избивают друг друга, не наказывают счастливиц из-за ревности к их будущим родителям, не обижают слабых, не становятся жертвами взрослых. Но статьи, одна за другой, доказывали обратное. Она прочла о восьмилетней девочке, которую убили старшие воспитанницы детдома из-за ревности к ее кровной матери – та навещала дочку и обещала скоро забрать. Прочла о насилии над воспитанниками психоневрологического интерната, которые считались недееспособными и не могли за себя постоять. В одном таком интернате на юге страны на протяжении многих лет охранник, который работал там же, воровал ребенка из отделения, удовлетворял с девочкой свою похоть и потом бросал ее одну за территорией интерната. Ребенка поутру находили нянечки и, никому ни слова не говоря, возвращали в палату. Она потом долго болела венерическим заболеванием и в конце концов умерла. Мужчину судили за другие преступления и, хотя насилие над девочкой тоже было установлено, оно так и осталось безнаказанным. Была еще статья об интернатском ребенке, которого посадили в ванну с кипятком в качестве наказания. Девочка умерла от ожогов. И в этом случае убийц не судили. В том же интернате полностью парализованный ребенок умер от кровоизлияния в височную область – ударился о батарею, как было написано в материалах дела. Но никому не пришло в голову искать виновных в гибели совершенно неподвижного

мальчика. Во всех случаях присутствовали выводы врачебной комиссии об отсутствии криминальной составляющей в смертях детей. Так и написано – «смерть непредотвратима». Кого тут винить? Дети больные, мрут как мухи. Так природа распорядилась. Катя рыдала над их судьбами и все глубже уходила в себя.

Она не понимала, что может сделать и чем помочь. Есть же всемогущее государство, есть общественные организации, есть добровольцы, которые ездят в детские дома. Нет только защиты детей-сирот. Как разобраться, действительно ли конкретным детям, оставшимся без попечения родителей, помогают власти и усилия многочисленных добровольцев? А если так, почему в детских домах до сих пор столько несчастных детей? Катя их видела своими глазами. Потухших и безразличных, отчаявшихся и озлобленных. У нее появилось непреходящее чувство навалившейся вдруг беды. Она не была уверена в том, что это то самое мерило, которому стоит верить. Но и пройти мимо, заставить себя забыть – не могла.

Единственным человеком, который мог бы все рассказать о сиротах и объяснить, чем им помочь, была ее собственная мать. Она сама прошла через этот ад и знала чувства детей изнутри. Но Катя была почти уверена, что мама не захочет с ней говорить. Скажет, как обычно, «не лезь в чужой монастырь, целее будешь», и на этом все. Но все-таки набралась смелости и решила рискнуть – ей было жизненно важно найти ответы на вопросы, которые теперь мучили ее день и ночь.

Едва дождавшись рассвета после очередной бессонной ночи, Катя вышла из дома. Влад справится с детьми, она даже не сомневалась: поднимет и отправит Настю в школу, дождется, когда приедет няня Маши, и только потом поедет на работу сам – у Кати теперь, после долгих лет притирок, золотой муж.

Добравшись до неприметного дома в старом районе, она с трудом приткнула машину у тротуара – двор был плотно заставлен автомобилями. Открыла дверь старого подъезда «таблеткой» на своем ключе и поднялась на третий этаж. Лифта в доме не было: всего-то пять этажей. В последнее время власти грозились снести дом и переселить жильцов, но весь район неожиданно сплотился и выступил против такой инициативы. Мама, к изумлению Кати, тоже активно бунтовала и даже ходила вместе с соседками на митинги. Влад однажды предложил Елизавете Петровне перебраться поближе к ним. Мало ли, все-таки возраст. Он даже чуть не внес залог за однокомнатную квартиру в их доме, но мама Кати и слышать не хотела о переезде. Угрожала, что из своей квартиры выселится только вперед ногами.

Дочь замерла у двери, раздумывая, как поступить – открыть дверь ключом или позвонить. Никогда не знаешь, что именно вызовет раздражение мамы. Иногда вместо приветствия приходилось слышать ворчание «вечно вламываешься бесцеремонно», а иногда «что, трудно самой открыть?». Угадать заранее все равно невозможно. Катя собралась с ду-

хом и нажала на кнопку звонка. В глубине квартиры послышалось шарканье домашних тапочек. Казалось, мягкие шлепанцы совсем не отрываются от пола и движутся медленнее, чем в прошлый раз. Осознание этого больно кольнуло – всего-то неделя прошла с тех пор, как Катя заезжала сюда.

Ни вопроса «кто там?», ни взгляда в глазок. Дверь энергично распахнулась, и перед Катей возникла пожилая дама маленького роста, с крепкой осанкой и щедрой сединой в когда-то угольно-черных волосах. Колючие карие глаза смотрели с подозрением, высокий лоб собрался морщинами – хозяйка была недовольна появлением дочери.

– Мама, ты почему не смотришь в глазок? – Катя попыталась обнять старушку, но та как угорь ускользнула.

– Кому я нужна?

– Прекрати, пожалуйста. – Катя скинула туфли на каблучках, но собственные метр семьдесят продолжили отдалять ее от матери на целую голову.

– А что такого? – Мама явно бравировала своим бесстрашием. – Я свое давно отжила.

– О чем ты говоришь? – Катя расстроилась, хотя слова эти давно стали частью привычного ритуала. – Ты в свои семьдесят восемь многим шестидесятилетним фору дашь.

– Неприлично напоминать женщине о ее возрасте. Зачем ты пришла?

– Как зачем? – Катя нагнулась и выудила с обувной полки пушистые тапочки с кроличьими ушами. – Навестить.

– А почему рано утром? Что с работой?

– Работа подождет.

Хозяйка квартиры прошла в комнату, не дожидаясь, когда дочь закроет за собой входную дверь, и снова опустилась в кресло. Телевизор работал, но без звука – новости мама смотрела только так.

– Чай или кофе тебе сделать? – выкрикнула гостья с кухни.

– Что хочешь, то и делай.

Катя нашла кофейные зерна, кофемолку, достала турку. Потом увидела конфеты и печенье в коробке, которые привозила в прошлый раз, и тоже взяла их с полки. Заглянула в холодильник – красная икра в баночке стояла нетронутой. Мама, как ни пыталась Катя порадовать ее чем-нибудь вкусеньким, питалась аскетично просто. Каша. Суп. Все гостинцы дочери так и лежали без дела. Катя тяжело вздохнула: как ни пытайся, маму уже не переделать.

Сварив кофе, она столкнулась с новой дилеммой – нести поднос в комнату или накрыть на стол в кухне. Рядом с мамой она по-прежнему ощущала себя неуклюжим подростком и постоянно боялась что-то сделать не так.

– В комнату ничего не тащи, я иду! – услышала она предостережение и быстро накрыла на стол.

– Рассказывай, – потребовала мать, как только Катя сделала первый глоток горького напитка. Кофе она пила только черным, без молока и без сахара. Кто-то сказал, что только

в таком виде кофе не портит фигуру.

– О чем?

– О том, какая муха тебя укусила.

Катя почувствовала, как холодеет шея и потеют ладони. Мама не могла ничего знать – Катя не успела рассказать о своих переживаниях ни Владу, ни кому-то еще.

– Откуда ты знаешь?

– Вижу.

– Я устала, – пролепетала Катя, – сама не пойму, от чего.

– На работе, что ли, проблемы?

– Нет, – Катя тяжело вздохнула, – хотя работа мне и правда надоела. Одно и то же двенадцать лет. С утра до вечера чужие люди.

– Ты совсем, что ли, рехнулась? – Мать моментально взвилась. – А если муж тебя бросит, где будешь деньги брать?

– Мама! – Катю всегда возмущала резкость матери, граничащая с хамством, но она ничего не могла с этим поделать. В детстве часами ревела от обиды, забившись под кровать. Подростком пыталась робко огрызаться в ответ, но мать ее словно не слышала. Слова дочери отлетали от нее как горох, и она продолжала высказываться в своем духе.

– А что? Так и есть! Устала она. Кто тебе рожать-то велел на старости лет?

– Ты меня сама в том же возрасте родила. В тридцать девять.

– И я тоже дура!

– Я сделала то, что считаю нужным, – Катя чеканила слова, стараясь взять привычный начальственный тон, но при этом нервно ерзала на стуле, – и мы не будем это обсуждать.

– Будем, – Елизавета Петровна с вызовом уставилась в лицо дочери, – одной вашей Насти хватало с лихвой.

– Да о чем ты говоришь?! Машуня – это такое счастье! Ты бы хоть раз заехала поиграла с ней. Хочешь, я тебя сейчас отвезу?

– Еще чего не хватало! – Елизавета Петровна брезгливо поморщилась. – Развела кучу детей. От них одни проблемы.

– Ну, кто тебе такое сказал?! Какая это куча, всего-то две дочки!

– Я знаю, что говорю, жизнь прожила. С тобой одной-то намучилась!

Катя снова за долю секунды стала младше на тридцать лет – почувствовала себя ребенком, который матери не нужен, растет ей обузой. Не радуется, не умиляет, только вызывает раздражение.

– Не сочиняй, – она возразила, по-детски надув губы, – со мной всегда папа возился и играл. Он был потрясающим отцом. На что тебе жаловаться?

– Это только я знаю, на что. – Мать нервно отмахнулась, словно отгоняя назойливую муху.

Они помолчали, глядя каждая в свою чашку. Катя после первого глотка черного кофе почувствовала вдруг сильный голод, но не решилась протянуть руку к коробке с печеньем.

– Мама, – Катя подняла глаза, – скажи, а как можно детям-сиротам помочь?

– Никак. – Елизавета Петровна отрезала, не задумываясь, и тут же уткнулась взглядом в окно.

– Подожди, – Катя осторожно вздохнула, – но ты же сама чего-то хотела, пока в детском доме жила?

– Это в блокаду-то? Жрать хотела. И спать все время. А больше ничего.

Катя знала, что первые годы сиротства практически стерлись из маминой памяти. Она знала только то, что долго лежала рядом с трупом своей матери, Катинной бабушки, в холодной комнате на окраине Ленинграда, пока ее не нашла воспитательница детского сада, куда маленькая Лиза ходила еще до войны. И унесла в тот же самый сад, только тогда уже детский дом. Лизе было четыре года. Воспитательница спасла ей жизнь.

– А думала ты о чем?

– Ни о чем, – мать разозлилась, – ждала, когда баланду из муки и воды принесут.

Лиза была такой слабой, что ее не решались перевозить через Ладогу по Дороге жизни. От голода у нее отнялись ноги. Так она и провела в Ленинградском детдоме полных два года – с зимы 1942-го, когда умерла мама, по весну 1944-го. Каждый день кто-нибудь из детей умирал. И каждый день поступали новенькие. Потом блокаду сняли, и Лизу вместе с остальными чудом выжившими детьми перевезли в Москву.

Выкормили, поставили на ноги. Здесь она и выросла.

– Мам, ну расскажи, пожалуйста...

– О чем?

– Что было после войны?

– Наелись наконец, – коротко бросила Елизавета Петровна.

– А еще что ты помнишь?

– Что помню? – мать повысила голос. – Отца я своего ждала! Про маму знала, что ее больше нет. А отец-то с фронта должен был вернуться и меня забрать. Вот и ждала.

– Все время? – На глаза Кати навернулись слезы.

– До шестнадцати лет, – она нахмурилась, – злилась на него, что не приходит за мной. Я же до сих пор не знаю, бросил он меня или погиб.

– И все дети ждали своих родителей?

– Если была надежда, то ждали. А как же еще?!

Катя молчала, опустив голову, и была благодарна матери за разговор. За то, что она прекратила сыпать осуждениями и пусть с раздражением, но рассказывала о своем прошлом.

– А нынешние сироты? Они тоже ждут?

– Нашла сирот! – Лицо матери стало каменным. – У нынешних родители живы, почти у всех. Алкаши, наркоманы и тунеядцы. Сидельцы еще. Но государство-то добренькое, оно вместо того, чтобы отца с матерью к ответу призвать, дарит им вольницу.

– Мы с коллегами недавно были в одном детском доме, –

призналась Катя, – то есть в Центре содействия семейному воспитанию. Сейчас так называются учреждения для сирот.

– И зачем вас туда занесло?

– Подарки детям привозили.

– Олухи царя небесного! – Елизавета Петровна в ярости бросила чашку на блюдце. – Вот почему ты как пришибленная. Я же тебе сто раз говорила, воспитатели всё отбирают. Нам твердили «дефективным не положено» и подарки уносили домой.

– Это же было давно, – Катя мотнула головой, – сейчас все не так. Директор очень хороший человек, мне про него рассказывали, за каждого ребенка болеет душой. Всё, что спонсоры привозят, детям и отдают. Мебель новая, ремонт дорогой, плазменные панели. У детей и одежда красивая, и телефоны. Условия потрясающие...

– Вот ведь холера! Растят иждивенцев.

– Мама, ты просто ревнуешь, – Катя словно саму себя пыталась уговорить, – в твоё время такого не было.

– Господи, Катерина, пойми, – Елизавета Петровна вдруг вытянулась в струну, – нет разницы, что было, что есть. Детдом убивает ребенка. Ты хоть все стены там позолоти, а это тюрьма! Если рядом мамы и папы нет, сущий ад. Никто не защитит.

– Ты сама себе противоречишь. Я как раз хочу защитить. И спрашиваю тебя – как?

– Ты им не мать! – Она в ярости сверкнула глазами. – Даже

не вздумай лезть. Нельзя излечить то, что долга сожжено. Я тебе мало рассказывала?

– Много, наверное, – Катя кивнула, – но я не знаю, что делать. Не могу просто пройти мимо.

– Дура, – беззлобно резюмировала Елизавета Петровна и замолчала.

– Мама, расскажи что-нибудь, – Катя не просила, а требовала, – как это, жить в детском доме?

– Не думаю, что ты хоть что-то поймешь, – Елизавета Петровна косо взглянула на дочь, – ты так никогда не жила. А все недовольна своим детством, читала я твою книгу! Мать у нее, видите ли, «отсутствующая». Целую теорию, оказывается, придумали. Мне бы вот хоть такую мать, живую, я бы ноги ей целовала.

– Прости...

– Ладно, – мама коротко отмахнулась, – слушай. Детдомовские – это стая. И раньше так было, и сейчас есть, даже не сомневаюсь. Там сам собой возникает вожак, у которого есть приспешники. Все как в тюрьме. «Блатные» управляют, «мужики» пашут, «шестерки» прислуживают, «опущенные» тоже понятно. Думаешь, случайно выпускники детдомов, каждый второй, попадают за решетку? Нет. Им там все понятно, привычно, они с детства как раз так и жили. Это только те, кто ни черта не соображает, считают, что в детдомах нормально, лишь бы еда и одежда была. Как бы не так! Не приспособила природа ребенка расти в стае, не может он

без матери и отца. Кто защитит? Кто утешит? Кто покажет и научит, как жить?

– Ты думаешь, и сейчас всё так же?

– А что могло измениться? – Мать устало вздохнула. – Гаджеты твои, что ли, сирот выведут в люди? Я по радио слышала – девять из десяти выпускников детских домов умирают от пьянки, наркоты или в тюрьмах. Так и есть.

– А как же выжила ты?

– Мы, дети войны, знали, что наши родители погибли, защищая Родину, – подбородок мамы гордо вскинулся вверх, – имели полное право уважать их и любить. А что сейчас? Как ребенку простить родную мать, которая из-за бутылки или порошка его бросила? Он и ненавидит ее, и не любить не может. Природа. Вот и сходит с ума.

– Я тоже об этом думала...

– Не жильцы сироты для этого мира, – мама отвернулась от Кати и снова стала смотреть в окно, – все в них перевернуто. Раньше в детдомах воспитатели нас били, чтобы мы слушались. После войны уже нормальным считалось. Сейчас, может, этого нет, но дедовщина точно осталась. Вот не верю я, что старшие младших теперь не «воспитывают» на свой лад.

Пока мать переводила дыхание, Катя вспомнила слова детдомовца «до головы не доходит, до почек дойдет». Получается, и сейчас это есть.

– Когда воспитателю пачкаться не хотелось, – мать погру-

зились в воспоминания, – он старших вызывал. Нам как-то шефы с завода привезли к празднику подарки – конфеты, вещи. Одежду, конечно, воспитатели сразу попрятали, нам такое носить было не положено. А сладкое убрали под предлогом «после обеда, чтобы не портить аппетит». Понятное дело, после обеда все исчезло бесследно – спрятали, чтобы утащить домой. А у нас там была одна задиристая девчонка. Уже послевоенная. Маленькая совсем, юркая, лет шесть ей тогда было. И вот во время тихого часа она пробралась туда, где хранились эти несчастные подарки шефов, взяла конфет, сколько уместилось в двух руках, и побежала в спальню. Только залезла в кровать, как воспитательница вошла. Откинула одеяло и поймала с поличным. Вечером перед ужином всех нас собрали в спальне. Воспитатели привязали эту малявку за руки, за ноги к кровати, дали двум старшим парням хворостины, и они начали в назидание другим – «не воруй» – ее сечь. Били со всей силы, всерьез. А малявка героя из себя корчила, всю дорогу молчала. Исполосовали всю. Кровь по худым бокам стала на простыни стекать. Фашизм как он есть. У меня голова закружилась, я хотела выбежать, но директор схватила за руку и держала... Эта девчушка потом несколько недель провалялась без сознания в лазарете. Но ничего, оклемалась. Куда деваться.

Елизавета Петровна продолжала рассказывать, что было в ее собственной жизни дальше. Как ее саму, уже большую, наказывали, как бессмысленно было защищаться. Говорила

спокойно, без надрыва, и только ее глаза – глаза несправедливо наказанного ребенка – выдавали нечеловеческую боль. Душа до сих пор осталась изранена, не затянулись старые рубцы.

У Кати задрожали губы. Впервые в жизни она увидела перед собой маленькую Лизу, проступившую сквозь морщинистое лицо Елизаветы Петровны. Девочка вышла из своего закрытого и запечатанного мира – как будто улитка выползла из ракушки. Если бы только Катя могла быть взрослой тогда, когда ее мать осталась после войны без родителей! Если бы только сумела прийти и ее оттуда забрать. Но невозможно повернуть время вспять. И все, что сломано, – сломано навсегда.

Она может помочь только другим детям, тем, кого пока не успели разрушить до основания, не отучили любить. Как ее мать.

Глава 7

Новенькая Кристина сидела по-прежнему неподвижно, уставившись в одну точку. Честно говоря, Юльке эта статуя к вечеру уже до смерти надоела. Новенькая ни с кем не разговаривала, не ела, на попытки баторских психологов расшевелить ее даже не поднимала глаз. Было ничуть не жаль эту белобрысую дылду. Смешно в пятнадцать лет устраивать спектакль из-за того, что тебя сдали в батор. Тем более если ты там уже десять лет жила после смерти мамки, а потом каким-то чудом нашелся родной отец и взял с непонятого перепугу в свою семью. Явно что-то попутал. По-настоящему отцы детей никогда не хотят, ребенка только мать любит. Юлька это твердо знала – у нее то же самое было. Когда маму забрали в тюрьму, а ее саму упекли в приют с решетками на окнах и видеокамерами повсюду, даже в душевых, отец сразу сказал, что не сможет взять ее к себе. У него новая семья, другая жизнь, другие дети. Девятилетняя, уже такая большая, Юлька была ему не нужна. Да и времена сложные, заработать не удастся, того и гляди придется перебиваться с хлеба на воду. Пусть уж лучше детский дом – там всегда накормят, оденут, обуют, да еще и образование дадут. А он будет навещать, как положено, приходить.

Вот лучше бы отвалил с глаз долой. Да он и не приходил... Юлька бросила раздраженный взгляд на Кристину. Когда

она уже «отвиснет»? Так и хотелось треснуть ее по голове – сидит и одним своим видом вызывает самые страшные воспоминания, от которых Юлька все четыре года пыталась избавиться, но все равно первые свои дни в приюте помнила так четко, как будто это было вчера. Тогда в одно мгновение мир рухнул. Маму забрали мусора, скрутили ей руки и увели, а Юльку отвезли в больницу, где она сидела две недели в наглухо закрытой палате. Ни гулять нельзя, ничего. В туалет выпускали строго по часам. Первое время Юля ждала, что правда вскроется и менты наконец поймут свою ошибку. Маму подставили! Ей специально позвонил какой-то знакомый, стал упрашивать продать ему товар. И она согласилась из жалости – мама вообще слишком мягкая, ее вообще всегда было легко уговорить. А оказалось, была специальная операция, заматали всех подряд. Не посмотрели – дети у них, не дети. Какой-то там неведомый план по «нарикам» выполняли.

А ведь мама никогда никому не делала зла. И Юльке с ней жилось хорошо. В памяти остались радостные картинки из детства. Вот они вместе с мамой давят клопов, которые совсем обнаглели и обжили весь дом, даже кровать. Спать стало невозможно, пришлось тащить матрас в подъезд и там вытряхивать, а они, эти мелкие твари, как поскачут врассыпную. Как же она тогда смеялась, прыгая вместе с мамой прямо на этих клопов! До сих пор перед глазами стояли ее красивые босые ноги в резиновых шлепках, которые забавно

стучали по крепким пяткам при каждом прыжке. А еще они вместе с мамой однажды сидели за столом и лепили пельмени. И так хорошо им было вдвоем! Болтали, смеялись. Но она, дурочка малолетняя, не удержалась на высоком стуле, упала и сломала руку. Тут уже веселье закончилось – пришлось ехать в больницу и накладывать гипс. Много всего прекрасного было. И ласки, и поцелуи, и сладкие разговоры в обнимку перед сном. При Юльке мама никогда не принимала наркотики, наверное, стыдилась ее. Сначала укладывала ребенка спать – полежит рядышком, сказку расскажет – и только потом осторожненько встает, готовит себе на вечер. Юлька, конечно, не засыпала, все видела. Прекрасно знала, что делают с гашишем, как используют спайс, как влияет на настроение экстази, а что творит с организмом кокс. От какого наркотика человек хочет есть, а от какого – смеяться. И понимала, что все эти лекарства нужны маме для успокоения, чтобы просто расслабиться после проблем тяжелого дня. Только потом, когда маму забрали в тюрьму, она поняла, что лекарства эти – невероятное зло. И возненавидела наркотики раз и навсегда. Это они отняли у нее самое дорогое – мать.

Сверкающие в темноте глаза Кристины мешали уснуть. И так-то в детском доме спать приходилось вполглаза, никогда нельзя было до конца расслабиться и погрузиться в глубокий сон – слишком много людей вокруг, у каждого свое на уме. Только закрой глаза и отключи слух, тут же что-нибудь тебе

устройт. Поэтому и спала Юлька последние четыре года чутко, просыпалась от каждого шороха. А сегодня не могла даже задремать – такое чувство, что на нее направили мощные прожекторы и тщательно изучали.

– Ну, че, так и будешь таращиться до утра? – прошипела она в темноте. Кристинка не шелохнулась.

– Вот блин, – Юлька вылезла из-под одеяла и осторожно приблизилась к новенькой, – выпить хочешь?

Кристина едва заметно кивнула. Правда, глаза ее как были, так и остались на одной точке.

Юлька бесшумно поставила стул на стол и полезла к вентиляционной решетке. Отодвинула ее, вытащила початую бутылку вина. Старшаки, если узнают, точно прибудут. Но это потом. Сейчас важнее было уложить наконец новенькую спать. Она осторожно слезла со стола и похвалила себя – ни единого шороха. Потянула пробку, аккуратно поворачивала ее и вытащила с характерным звуком.

– На вот, глотни.

Кристина взяла бутылку и припала к горлышку сухими, растрескавшимися губами. Бережно вернула драгоценный сосуд Юльке и вдруг затряслась. Зубы ее стучали так, что, казалось, даже воспитатели в своей комнате это слышали. Пришлось сунуть бутылку под стол и срочно заняться новенькой. Юлька набросила ей на плечи свое одеяло и обняла подрагивающие плечи. Долго они сидели так, слившись в одно неприкаянное целое. Потом дрожь Кристинки улеглась.

Вместо этого она начала раскачиваться из стороны в сторону, словно пыталась сама себя укачать.

– Че выперли-то тебя от папани? – спросила Юлька.

– Откуда знаешь? – Голос у Кристинки был низкий, глубокий. За время своего пребывания в баторе она только что заговорила в первый раз.

– У нас тут новости расходятся мгновенно, – Юлька вздохнула, – все сразу в курсе.

– Не скажу!

– Да ладно тебе! Я своих не сдаю.

– Проехали.

– Ну, как хочешь, – Юлька решила применить более действенный метод, – а мой папашка меня к себе даже не взял.

– Он один живет? – Кристина наконец-то посмотрела на Юльку. У нее оказались огромные голубые глаза, которые сияли серебром в лунном свете. Юлька позавидовала – вот бы и ей такие. А не обычные, мутно-зеленого цвета.

– Не-а. С новой женой и новым ребенком.

– И у меня. – Кристинка слабо улыбнулась. – Двое спинногрызов у них. Но папка не виноват, это все мачеха.

– Да? – Юлька наострила уши. – Вот уродина.

– Специально меня затащила. «Плановый осмотр, диспансеризация, пятнадцать лет». А потом взяла и отцу доложила с таким видом!

– О чем?

– О том, что дочь его порченая...

Кристинка резко замолчала – испугалась, что зашла в своих откровениях слишком далеко. Юлька тут же почувствовала перемену ее настроения.

– Бухать еще будешь? Я тоже глотну.

– Давай!

Они по очереди несколько раз передали друг другу бутылку. Вино почти закончилось, но Юлька больше не думала об этом. Приятное тепло в теле и помутнение в голове принесли ощущения, отдаленно похожие на счастье.

– Парня-то хоть любила? Хороший?

– Ты это о ком?

– Ну, о том, с которым мутила.

– Не встречалась я ни с кем. – Кристинка отвернулась к окну, за которым лениво играли ветками усталые к осени деревья.

– А тогда как?

– У нас обычаи такие в прежнем баторе были, – она перестала прятаться, рассказывала как есть, – не даешь парням – избивают до смерти. Мне несколько раз ребра ломали. И ногами били. Я сначала держалась, а потом думаю, да пропади оно пропадом. Себе дороже.

Юлька теперь застыла сама. Представила, что бы делала в такой ситуации. Весь детский дом сразу бы на уши поставила, директору даже рассказала.

– Ни фиги себе, – наконец отвисла она.

– А у вас тут такого нет? – Кристина с опаской посмотрела

на Юлю.

– Да ты что?! – Она аж подпрыгнула. – У нас проверка за проверкой. Это ж Москва. А ты где жила?

– В Смоленской области.

– И питалки че? Не заступались?

– Они сами наших боялись. – Кристинка тяжело вздохнула. – На ночь закроют снаружи двери в комнаты, и всё. А там же детский дом семейного типа, в группе «братья-сестры» разных возрастов. Девочки-мальчики через занавеску. Была одна смелая воспитка, пыталась нас защитить, так ее парни тоже всем составом отымели.

– И она их не посадила?!

– Директор даже рот открывать запретил.

– Ниче себе! – Юлька поторопилась успокоить Кристину: – У нас директор хороший. Питалки разные, конечно, но в целом норм.

– Ты смотри только, – Кристина взглянула на Юльку с угрозой, – ляпнешь кому, убью!

– Оно мне надо? – Она сделала большие глаза. – А как же ты выбралась оттуда?

– Сбежала. Нашла в документах, что у меня папаша есть. И сиганула из батора своего в Москву. Где шла, где попутки подвозили. За сутки добралась.

– Менты тебя не заметили?

– Не-а. Я же выгляжу на все двадцать лет, им и в голову не пришло. С рюкзаком, одета норм. Не цеплялись.

– И что?

– Пришла к отцу. Он, оказывается, искал меня, когда мама умерла. Но не нашел. Ты прикинь?

– И он тебя согласился взять? – Юлька почувствовала острый укол ревности.

– Еще как! – Крестинка оживилась. – Обрадовался, домой сразу повел. Его стерва даже обо мне знала. Честный такой. Еще до свадьбы ей рассказал.

– Надо же.

– Вот-вот! Папаша у меня хороший, но подкаблучник, с-с-собака, – она отвернулась к стене, – и эта тварь ему доказала, что я дефективная. Если в пятнадцать лет уже не целочка, значит, все. Можно ставить крест.

– Но ты же не виновата!

– А кому какое дело? – Крестинка сверкнула в темноте глазами. – Я вот думаю иногда, лучше б мне все руки-ноги переломали. Тогда бы не была «дефективная» – ну в гипсе бы походила, вылечили бы, и всё. А раз меня насиловали, это не травма, не болезнь. Это типа моя вина...

– Тс-с-с-с. – Юлька услышала легкое движение в коридоре, сунула второпях пустую бутылку под стол и легла в кровати Кристины, накрывшись своим одеялом.

– Вырасту, мачеху замочу, – пробормотала та себе под нос, уютно устроившись рядом, – в опеке такого про меня наговорила! Про разврат. Про угрозу двум ее соплякам. Твари! Я им и детей нянчила, и по дому помогала. Все делала, лишь

бы только не выгнали. А они вон, другой повод нашли...

Глава 8

Влад вошел в костюме и галстук – только что вернулся с работы. Поцеловал Катю как обычно в макушку, сел напротив нее у письменного стола и стал смотреть на жену поверх монитора. Пристально, не отводя взгляда. Она смущенно ему улыбнулась.

– Как состояние души? – на всякий случай он начал издалека.

– Терпимо. – Она пожала плечами.

– Хорошо, что ты сегодня рано вернулась. – Он положил на ее руку свою большую ладонь.

– Я и не была на работе, – она виновато на него взглянула, – решила взять выходной. Устала.

– А что Яков Львович? – Влад насторожился.

– Все понял, – Катя перевернула свою руку под ладонью мужа и крепко сжала широкое запястье, – велел набираться сил и отдыхать.

– Правильный начальник, – похвалил супруг и после паузы решился: – Катя, не злись, но ты в последнее время...

– Знаю, – она подняла на него мутный, усталый взгляд, – наверное, кризис среднего возраста. Даже на любимой работе стало смертельно скучно.

– У тебя ничего не болит? – Он смотрел на нее с тревогой.

Катя рвалась на работу всегда, была из тех женщин, кому

недостаточно домашнего очага и семьи. Ее энергии хватало на тысячи идей, на десятки проектов. Влад наивно думал, что жена побудет дома несколько лет после рождения младшей дочери, Маши. Но удержать ее оказалось невозможно – уже через полгода она вернулась в издательство. Да и эти шесть месяцев работала из дома, удаленно.

– Нет, – она смотрела ему прямо в глаза, – я совершенно здорова, если ты переживаешь об этом.

– А что же тогда?

– Много и напряженно думала в последнее время. – Она тяжело вздохнула.

– Я это заметил. О чем? Пишешь новую книгу?

– Нет, – Катя хмыкнула, – хватит с меня одной. Я думала о маме.

– Ох, – свободной ладонью муж погладил ее по голове, – ты же знаешь, она пожилой человек. Ее уже не переделать.

– Я и пытаться не буду, – Катя снова улыбнулась, – я думаю о том, что ее отношение к миру, к людям и даже к детям – это продукт системы. Результат отсутствия родителей и последствий жизни в детском доме.

– Да брось, – Влад отмахнулся, – просто у нее характер такой.

– Скажи еще, дурная наследственность, – Катя решительно мотнула головой, – нет! Сложись обстоятельства по-другому, и мама была бы другой. Как минимум умела бы заботиться и любить.

– Маленькая моя, – Влад снова с нежностью провел ладонью по ее волосам, не отнимая второй руки, в которую Катя по-детски настырно вцепилась, – я понимаю, что у тебя было сложное детство. Но ведь и не самое плохое, правда? Папа тебя очень любил.

– Да, – Катя с готовностью кивнула, – но я все время думаю, что было бы, если бы маму удочерили. Стала бы она счастливым ребенком?

– Ты же знаешь, история не терпит сослагательного наклонения. – Влад с сомнением пожал плечами. – К тому же Елизавета Петровна прекрасно помнила родную мать, твою бабушку.

– И что? Ей никто не мешал бы и дальше ее любить, – она не на шутку разнервничалась, – просто появились бы еще мама с папой. А у меня были бы дедушка с бабушкой.

– Ты идеалистка, – Влад вздохнул, – кому нужен чужой ребенок? Сирот после войны было много. Люди сами с трудом выживали. У нас же всегда усыновляли только младенцев, меняли их историю, давали новые фамилии, имена, даты рождения. И выдавали за родных. А Елизавете Петровне в сорок пятом было уже восемь лет. Ну, кто бы ее удочерил? Утопия.

– Грустно это все, – Катя поникла, – семья-то нужна ребенку и в восемь, и в десять лет. Как без мамы и папы научиться любить? Какое без родителей детство?

Влад беспомощно развел руками и поднялся со стула.

– Я хотела спросить, – Катя поторопилась его остановить, – как ты отнесешься к тому, чтобы приглашать сироту из детского дома к нам в гости?

– Что?! – Влад замер, внезапно окаменев.

– Понимаю, – Катя кивнула, – я и сама боюсь. Но мне кажется, ребенку важно выходить из стен детского дома. Хоть что-то узнавать о реальной жизни, об отношениях в семье.

– А разве так можно? – Влад смотрел на жену в смятении: – Просто брать в гости?

– Да. Оказывается, есть закон о временной передаче сирот в семьи, – Катя возбужденно тараторила, – точнее, это постановление правительства. Там надо кое-какие бумаги собрать, получить в опеке письменное разрешение, и всё!

– Давай после ужина поговорим, – Влад нервно сглотнул, машинально ослабил галстук и отвел глаза, – а я пойду пока няню отпущу, уже шесть часов.

– Хорошо, – Катя проводила мужа благодарным взглядом, – я скоро приду.

В тот вечер они ужинали всей семьей, что в будние дни случалось редко. Даже Настена умудрилась прийти домой пораньше – очередной репетитор заболел, и не пришлось ехать к нему после школы. Но атмосфера за столом была напряженной. Влад ел молча, уткнувшись носом в тарелку, как в далекие времена их незрелой семейной жизни. Настя пыталась что-то рассказывать про школу, но быстро осеклась, безошибочно определив, что родители слушают ее вполуха,

а сами находятся далеко в своих мыслях. Маленькая Машу-ня капризничала сверх меры. Кормить себя она теперь позволяла все реже и, схватив ложку, размазывала овощное пюре по одежде, столешнице детского стульчика и лицу. Она не на шутку злилась на то, что не всегда удается донести ложку до рта, и даже пару раз пыталась поплакать. Катя помогала, но в финале ужина тарелка все равно полетела с детского стульчика, разбрызгав содержимое по полу и по стенам.

– Ай-я-яй! – сказала Катя дочке и строго на нее посмотрела.

Малышка моментально скривила губы и горько заплакала. Кате пришлось объяснять, что никто Машу не ругает, но надо быть аккуратнее. Она выдала капризуле заранее припасенные бумажные салфетки, а сама пошла в ванную за половой тряпкой.

Когда старшая дочка была младенцем, Катя от подобных кормлений моментально впадала в ярость. Ей казалось, что человеческое существо не имеет права поступать с ближним своим таким варварским образом. Взваливать на плечи и без того измученной матери новую порцию проблем. Она обижалась на дочь как ребенок и потому совершала бесконечные ошибки в общении с ней. Когда-то точно так же в ответ на ее капризы и шалости раздражалась ее мама, Елизавета Петровна. Она кричала, шлепала дочь, и в эти моменты Катя чувствовала себя ненужной. Понимала, что для матери она только помеха в жизни. И думала, что никогда не

станет так же поступать со своим ребенком, но бедной Насте все равно досталось. Катя, в отличие от собственной матери, никогда не поднимала на дочь руку, но крик в доме стоял постоянно. От этого крика ребенок становился нервным и вел себя с каждым днем все хуже и хуже. От бесконечных скандалов окончательно пропал из дома Влад, стараясь появляться в семье далеко за полночь, когда все уже спят. Катя уставала с маленькой дочкой все больше, все глубже сама проваливалась в состояние беспомощного ребенка и в ответ на любые трудности умела только орать. Этот крик не был желанным, из-за него она ненавидела саму себя, но он вырывался помимо воли – словно срабатывал раз и навсегда усвоенный сценарий из собственного детства. Катя знала, что такое «воспитание» вредит и порождает агрессию ребенка, но остановиться все равно не могла. Много лет понадобилось ей для того, чтобы по-настоящему повзрослеть и сломать ложный стереотип. Только после тридцати пяти лет, прочитав массу книг о детской психологии, посетив десятки специальных лекций и курсов, она научилась видеть в детях не вечный источник проблем, а счастье. Осознала, что главное – это не идеально чистый пол, аккуратная одежда или сделанные уроки, а отношения с ребенком. И поддержать их можно только заботой, любовью. И хотя Настя в подростковом возрасте начала возвращать родителям их воспитательные ошибки, выкидывая то одно, то другое, Катя обрела наконец спокойствие и уверенность.

Сложно сказать, что в этом обретении сыграло роль первой скрипки – ее фанатичное намерение исправить в себе плохую мать или их с Владом новая семейная жизнь. Полугодовая разлука, когда он был изгнан из дома и снимал квартиру, обоим послужила хорошим уроком. Катя успела ощутить, как тесно переплетены их жизни – ее путь без любимого мужа немыслим. А Влад научился видеть мир за пределами монитора и на четвертом десятке наконец-то влюбился в собственную жену. Эта любовь и сделала его другим человеком.

Только после всех этих мытарств, склок и расставаний, непониманий и примирений они решились на Машу. Спустя целых четырнадцать лет. С появлением младшей дочери семья окончательно изменилась. Катя стала хорошей мамой, Влад потрясающим отцом, а Настя оказалась любящей сестрой и пусть по-прежнему строптивой, но нежной дочерью. Перестала пропадать с друзьями на улице, чаще стала возвращаться домой пораньше, радуя Машуню и маму с папой.

Катя, бесконечно сильно любящая своего мужа и дочек, хотела быть с ними рядом и получала удовольствие от каждого мгновения вместе. Хотела учиться слушать, присоединяться к их чувствам и быть Владу верной подругой, а Насте с Машей – надежной опорой. А в том, что девочки иногда капризничают или шалят, не хотят слушаться или помогать, нет ничего ужасного. Они растут и умнеют, развиваются и взрослеют – все наладится, были бы только хорошие отноше-

ния между родителями и детьми.

...После ужина Влад, ни слова не говоря, отправился купать перемазавшуюся в пюре Машуню. А Катя с Настей остались в кухне – мыть посуду и убирать со стола.

– Как там бабуля? – неожиданно спросила Настя.

– Все хорошо, – Катя кивнула, – не болеет.

– Мам, – дочка задумалась, пытаюсь сформулировать вопрос, – а правда бабуля Лиза у нас такая типа странная из-за того, что росла в детском доме?

– Почему ты вдруг спросила? – Катя выключила воду и повернулась к Насте, которая стояла рядом и вытирала тарелки.

– Ну, у всех бабушки как бабушки, – Настя вздохнула, – с внуками сидят, в гости к себе приглашают, пироги пекут. А бабуля Лиза все время хочет быть одна. Ей типа никто не нужен.

– Давай без «типа». Может, и из-за детского дома.

– Прости, – дочка виновато улыбнулась, – я случайно слышала ваш с папой разговор. Про детей без родителей.

– Понятно. – Катя опустилась на стул. – И что ты об этом думаешь?

– Даже не знаю, – Настя тоже присела, – иногда думаю, что без предков неплохо. Никто не достает с учебкой, с уроками. Живи в свое удовольствие и делай что хочешь.

Она глупо хихикнула.

– Я-я-я-ясно, – задумчиво протянула Катя.

– Но это в пятнадцать, – дочь поспешила исправиться, – а в три или даже в семь правда очень страшно. Я помню, вы с папой однажды забыли забрать меня из детского сада. То ли он что-то перепутал со своей вечной работой, то ли ты.

– И что тогда было? – Катя не могла вспомнить, о чем речь, этот эпизод из Настинного детства напрочь вылетел у нее из головы.

– Я целых два часа сидела одна в группе и думала, что больше вам не нужна. Это было страшно.

– Прости, пожалуйста. – Катя в который раз удивилась цепкости детской памяти. Настя говорила так, словно заново переживала тяжелые чувства из далекого прошлого.

– Да ладно, – ребенок великодушно махнул рукой, – ты же пришла. Просто сильно опоздала. А вообще, наверное, и большим детям без родителей не айс. Поболтать даже не с кем.

– Почему же, – Катя сделала вид, что удивилась, – с друзьями.

– Ну, это разные вещи, – Настя ободряюще улыбнулась, – в общем, сложно объяснить.

– Понятно, – Катя почувствовала себя польщенной: приятно, что даже в пятнадцать она еще нужна и интересна дочери.

– Ладно, мам, – Настена вытерла последнюю тарелку и отбросила полотенце, – я пойду погуляю.

Привычная фраза «сначала уроки» готова было сорвать-

ся с языка, но Катя усилием воли ее придержала. Не так уж часто ребенок приходит домой пораньше и может чуть-чуть отдохнуть. Да и с посудой Настя безо всяких напоминаний помогла, а это в исполнении строптивного подростка дорого стоило.

– Спасибо, что вытерла тарелки.

– Не за что, – Настя подставила щеку для поцелуя, и Катя с удовольствием чмокнула дочь, – кстати, если что, теоретически я типа не против.

– Ты это о чем?

– Давай попробуем взять в гости ребенка из детского дома, – объяснила она.

– Ты шутишь? – Катя боялась шелохнуться.

– Нет. Это же только на время.

– И тебе не страшно?

– Вроде нет.

– Но если знакомиться с кем-то из детей, начинать общаться, – Катя смотрела дочери в глаза, – это отношения на многие годы. Нельзя же один раз пригласить и потом больше не звать.

– Ну и ок, – одобрила Настя и тут же убежала гулять, пока мама не передумала.

Влад словно нарочно долго возился с Машей. Дал ей вволю поплескаться в ванне, запустив в воду все пригодные для плавания игрушки. Потом принес малышку в их с Катей громадную кровать, которую Маша обожала, и устроил на ночь

глядя веселую возню. Катал ее колбаской вперед и назад, массировал спинку и ножки, щекотал бока и следом за дочерью заливался веселым смехом. Прерывать такое счастье казалось невыносимым, и Катя покорно ждала. Хотя и понимала прекрасно, что после такой «подготовки ко сну» возбужденный ребенок ни за что не уснет. Так оно и вышло. Укладывала она Машу битых два часа – то пить, то писать, то сказку, то песенку. Закончилось все тем, что Катя уснула на полу рядом с Машинной кроватью, положив под голову большую плюшевую собаку, а детка еще долго пела свои, пока еще почти бессловесные песни. Ближе к полуночи сонный Влад потихоньку открыл дверь в детскую и шепотом позвал жену. Катя проснулась. Не сразу сообразила, где находится, и только всмотревшись в темноту, все поняла.

– Я тебя потерял, – прошептал он, когда жена не без труда поднялась с пола и дошла до двери.

– Уснула, – зевнула она.

Надо было поговорить о самом важном, объяснить Владу, что сиротам нужна в жизни поддержка. Что если они, взрослые и сильные, не решатся помочь, то кто же тогда? Но у нее уже не было сил. «Потом, – заторможенно подумала она, – все объясню потом», – и едва положив голову на подушку, провалилась в глубокий сон.

Глава 9

– С добрым утром! – Зычный голос гремел по коридору, неумолимо приближаясь: – Подъем! Пора встава-а-ать!

Дверь комнаты резко распахнулась, и на пороге появилась Василина Петровна. Дородная, пышная, со взбитыми в высокий кокон волосами и в неизменном платье с красными маками по черному полю. Она увидела Юльку с новенькой в одной кровати, и щеки ее моментально стали пунцовыми. Того же цвета, что и маки на платье.

– Это что тут такое?! Агафонова, Рыбина!

– Ничего. – Юлька бодро спрыгнула с чужой постели и тут вспомнила про пустую бутылку под столом. Василина Петровна угрожающе приближалась. Девочка схватила одеяло, чтобы прикрыться. На самом деле нужно было спрятать бутылку от ее глаз.

– Я ночью плакала, – Кристинка жалобно посмотрела на воспитательницу, – Юлька меня успокаивала. А потом случайно уснула рядом.

– Ох ты, заговорила, – Василина Петровна всплеснула руками, – надо же! В приюте молчала месяц, у нас молчала.

– Ну, как-то так. – Кристина отвернулась.

– Давай собирайся к психологу! Отведу.

Девочка открыла было рот, чтобы послать воспитательницу куда подальше, но Юлька дала ей знак. Надо было как

можно быстрее выводить Василину Петровну из комнаты.

– Хорошо, я иду!

Воспитательница замерла на пороге, словно что-то припоминая.

– Ах да, Агафонова! К тебе на встречу пришли.

– Кто?! – За секунду у Юльки в голове пронеслись тысячи мыслей. Мама попала под амнистию? Отец вдруг вспомнил о ней и решил навестить? Или брат освобожден из тюрьмы?

– Женщина какая-то, – Василина Петровна взяла Кристину за руку для надежности и вышла с ней за порог, – видео твое увидела, говорит. Тебя что, не предупредили?

– Нет. – Юлька испугалась.

– Психолог сказала, что все тебе говорила, – воспитательница начала раздражаться, – забыла ты, значит! Чисти зубы и давай быстрее вниз.

Юлька заметалась по комнате. Схватила бутылку и сунула ее в пакет, потом в рюкзак. Попыталась найти носки, но они, как назло, все до одного куда-то запропастились. Наконец вылез на свет божий один синий, спустя вечность поисков – второй такой же. Она готова была расплакаться от обиды: надо же как-то по-другому готовиться к встрече. И почему ее не предупредили? И только потом она вспомнила, что в начале недели был у нее разговор с женщиной-психологом, которая до этого помогала снимать видеоролик. Они обсуждали какую-то семью, где есть мама, папа и двое детей. Девочки, большая и маленькая. Лучше бы, конечно, без них,

но выбрать пока было не из чего, в очереди за Юлей никто не стоял, и она согласилась. Кто же знал, что уже в выходные эта тетка придет!

Прошло не меньше получаса, прежде чем Юлька смогла собраться с мыслями, одеться и умыться. Настроение было хуже некуда, зверски болела голова после вина и бессонной ночи. Но она заставила себя подвести глаза, накрасить ресницы и нацепить парадную маску «я жизнерадостная и веселая». Пользовалась она ею не часто, в основном для удовольствия спонсоров и психологов, чтобы не приставали с тупыми вопросами. Все отлично работало. Никто не мог распознать за широкой улыбкой острую боль и тоску по маме, предавать которую она в эту минуту шла. Юля была виновата перед мамой, она прекрасно это знала. Не дождалась ее из тюрьмы, начала искать семью и даже согласилась на эту встречу. И все ради своего удобства, комфорта. Продажная тварь, больше никто!

Она спускалась на первый этаж и со страха мечтала о том, чтобы лестница оказалась бесконечной. Шаги замедлялись, оставалось все меньше решимости.

– Ну, долго еще тебя ждать?! – как черт из табакерки выскочила Василина Петровна из-за угла. – Сколько можно?

Она схватила Юлю за руку и потащила за собой. В глазах девочки на мгновение потемнело, она едва переставляла ноги, но холл с диванами, где ждала ее кандидатка, все равно неумолимо приближался. Последний поворот...

– Привет! – Юля тряхнула густой темной гривой и широко улыбнулась.

– Доброе утро. – Приятной наружности женщина поднялась ей навстречу. Но стояла она как-то неустойчиво, словно колени у нее внезапно начали дрожать.

Юлька это заметила. Она осторожно просканировала гостью с головы до пят – темноволосая, как и она сама, симпатичная, достаточно молодая. Не первой свежести, конечно, но уж точно не бабушка. Юля до смерти боялась нарваться на пенсионерку, которые чаще всего приходили к ним выбрать себе приемных детей. Одеты они были так, что пройти рядом по улице и то было бы стыдно, а еще от этих старушек исходил устойчивый нафталиновый запах. Для себя Юлька решила, что, если увидит такую, сразу даст деру и даже знакомиться не станет. Зачем этим бабушкам чужие дети? Деньги за них получать и эксплуатировать, как говорила Василина Петровна?

Женщина и девочка одновременно опустились на диван. Гостья заметно нервничала, Юлька видела это по крепко, до белых пятен, сцепленным пальцам. Молчание затягивалось.

– Я Юля. – Девочка взяла инициативу в свои руки, чтобы хоть как-то начать.

– Меня зовут Екатерина Викторовна, – гостья кашлянула, пытаясь скрыть внезапную ломкость в голосе, – но можно называть просто Катей.

– Здесь будем сидеть? – Девочка продолжала искусствен-

но улыбаться.

– Да, – других вариантов Катя пока не могла предложить, – давай здесь.

Она не знала, о чем говорить. На форумах для усыновителей прочла о том, как наладить первый контакт с ребенком. через игрушку, детскую книжку, ненавязчивое наблюдение за игрой. Приближаться постепенно, не прикасаться, чтобы не испугать малыша. Все это сейчас ей никак не могло помочь. О чем говорить с практически взрослой девушкой, если нет ни общих историй, ни подходящих тем? Как вести эту встречу, если мозги от страха сжались в комок и не успевают работать? Катю пугали низкий и грубый, явно прокуренный голос Юли, ее агрессивные крашеные глаза и внешность, которая подошла бы скорее девушке восемнадцати лет, чем двенадцатилетнему ребенку. На видео, которое Катя случайно увидела в Интернете, блуждая по тематическим сайтам, без косметики девчушка выглядела иначе. Говорила, что ей нужны близкие люди, что она хочет ходить к кому-то в гости, и ее неприкаянность вызывала острую жалость. Явно кто-то постарался создать для экрана подходящий образ. Когда Катя узнала, где Юля живет, она была поражена – именно в этот детский дом приходила с коллегами полгода назад. Она взяла у Якова Львовича телефон директора, напомнила об издательстве, о себе и договорилась о встрече с Юлей взамен на обещание срочно оформить документы на гостевую семью, если с ребенком случится контакт. Но сейчас перед Катей

сидел совсем не ребенок. Это был взрослый человек, закованный в броню с головы до пят, с неестественной улыбкой на застывшем лице. В реальной жизни девочка не вызывала ни жалости, ни сочувствия. Только пугала. Как понять, что у нее на самом деле на уме? Катя сидела и ругала себя за самонадеянность. Она точно поторопилась – надо было созреть морально самой и подготовить Влада, который пока весьма скептически отнесся к ее идее познакомиться с сиротой. Он даже прочитал Кате длинную лекцию о том, что у каждого человека своя судьба и каждому дается ровно столько испытаний, сколько он может вынести. Влад же не поддавался влиянию криминальной среды, которая его окружала, вырос и стал нормальным человеком. Если сироты лишились родителей, значит, для чего-то именно так и было задумано.

Впервые за много лет они поругались из-за этого разговора – Катя не могла и не умела принять его точку зрения. Ей казалось, что если ребенок попал в беду, ему необходимо помочь. Он же не взрослый, сам не в состоянии справиться. Но вот по силам ли ей самой прийти на помощь ребенку-сироте, Катя не знала.

– Хотите, я о себе расскажу? – предложила Юля, и Кате осталось только кивнуть. – Мне двенадцать лет, учусь в шестом классе.

– Нравится тебе в школе?

Катя ляпнула это прежде, чем успела подумать. И тут же мысленно отругала себя за глупый вопрос.

– Не-а. Я плохо учусь. С двойки на тройку, – девочка испытующе посмотрела на Катю, но та восприняла информацию внешне спокойно, – у меня есть мама, она сидит в тюрьме за наркотики. Ее подставили.

– Ты с ней как-то общаешься? – Катя чувствовала, как беспокойство внутри нарастает.

Никогда в жизни ей не приходилось сталкиваться с заключенными. Только из фильмов, книг и рассказов Влада о бывших приятелях она знала, насколько опасен тюремный мир и как важно держаться от него подальше.

– Да, иногда по телефону. Раньше переписывались, потом мне стало лень отвечать. Уже почти четыре года прошло. Я в девять лет сюда попала.

Юля снова с интересом взглянула на Катю и сделала паузу – проверить, не испугалась ли новоиспеченная кандидатка окончательно и бесповоротно. Катя, судя по замороженному выражению лица, пока еще стоически держалась. По крайней мере, делала вид. Юля решила, что нет смысла растягивать – надо вывалить все и сразу. А там уже как пойдет.

– Еще у меня есть старший брат, он тоже сидит, – она тараторила, изо всех сил удерживая беззаботную улыбку на губах, – его через несколько месяцев после мамы забрали. С ним мы переписываемся ВКонтакте. Еще дядя, мамин брат, он тоже в тюрьме. Кажется, за убийство. Но я его не видела никогда.

– Так много родственников, – в ужасе пролепетала Катя,

на секунду потеряв контроль над собой, но тут же спохватилась, – большая семья.

– Это еще не все! Папа у меня есть, иногда приходит навестить.

– Он тоже сидел в тюрьме? – ляпнула Катя.

– Нет, конечно! – Юля посмотрела на нее как на идиотку. – У него просто другая семья. Он у меня даже в свидетельстве о рождении не вписан. Бабушка тоже жива, парализованная лежит. Тети всякие двоюродные есть и дяди.

– И никто тебя к себе не забрал?

– Не очень-то и хотелось, я их плохо знаю, – фыркнула Юлька. – А у вас? Какая семья?

– У меня муж и двое детей. Девочки. Пятнадцать и полтора.

– А-а-а, – Юлька сама не знала, почему ее неприятно задел ответ о детях, – а муж ваш чего не пришел?

– Ему пришлось уехать на работу. Там какие-то сложности. Но он собирался!

– Поня-я-я-ятно.

Юлька обиделась. То, что гостевая семья явилась не в полном составе, можно было по-разному понимать. Она уже знала, как это бывает – приходит тетка, крутит ребенку мозги, а в это время ее муж и близко никого не собирается впускать в семью. Фиг его поймет, почему. Да и как угадать по одной мамаше, нормальная семья или нет? Вдруг они бедствуют? Вдруг детей быют? Вдруг в церковь ходят каждое воскрес-

нье и молятся каждые пять минут? Ей такая перспектива вообще не улыбалась, не хватало только попасть к каким-нибудь беднякам, садистам или религиозным фанатикам.

– Не расстраивайся, – Катя поспешила исправить внезапно испортившееся настроение девочки, – я вас обязательно познакомлю. Он очень хороший человек. Просто много работает, он бизнес-консультант в огромной международной компании.

Юлька воспрянула духом. Невыносимо хотелось спросить, сколько муж Кати зарабатывает, но она не рискнула. Решила пойти окольным путем – выяснить, где они живут, какая у них квартира, есть ли машина, ездят ли отдыхать за границу. Однажды Юлька провела целых три месяца в Италии – ездила на лето в гостевую семью от детского дома. Вот там было здорово! Море, отдых, мороженое и красивый язык, который звучал ласковой песней. Если бы не эта дрянь – дочка итальянцев, ее бы и дальше приглашали на все каникулы в ту же семью. Многие дети с того лета продолжали ездить. Так привыкли, что даже не хотели ни в какую русскую семью идти жить – ждали совершеннолетия, чтобы уехать в Италию. Но ей чертова крыса испортила все отношения с итальянскими родителями. Оговорила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.